

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продлятся по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н Печко е-ой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1901 г. V годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 23 Сентября.

СОДЕРЖАНІЕ: Капиталы специальныхъ назначеній.—Изъ отчета Театрального Общества—Личныя замѣтки объ общихъ вопросахъ театра. Кн. А. Сумбатова.—О театральной критикѣ (письмо въ редакцію) Стараго театра.—А. А. Потѣхинъ, какъ драматургъ М. Кариневъ.—Хроника театра и искусства.—Милочка (разсказъ) Н. Лухмачовой.—Заграницею.—Провин. лѣтопись.—Объявленія.

№ 39.

Рисунки: «Подъ колесомъ» (4 рис.) А. Л.—Берлинскіе критики.—И. О. Горбуновъ въ гримѣ ген. Дитятина.—Г-жа Миронова въ роли Заа.
Портреты А. А. Потѣхина, † А. В. Анчарова—Эльстона, Л. Б. Яворской, М. Е. Дарскаго.

Приложеніе: «Подъ колесомъ», пьеса въ 4 д. Л. Ждановъ.

ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА на 1901 годъ
НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(пятый годъ изданія).

Съ 1 Юля по 1 Января 4 р. (годъ съ 1 Января 6 р.—
подписчики получаютъ все номера).

Отъ редакціи.

Редакція, приступая къ VI выпуску „Словаря сценическихъ дѣятелей“, проситъ гг. сценическихъ дѣятелей, фамиліи коихъ начинаются съ буквъ Е, Ж, З и И, послѣдить высылкой портретовъ и биографическихъ данныхъ.

С.-Петербургъ, 23 сентября 1901 г.

На дняхъ выйдетъ отчетъ Русскаго Театрального Общества за 1900 г. Отлагая обсужденіе его и нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ нимъ, до будущихъ номеровъ, мы позволяемъ себѣ пока обратить вниманіе всѣхъ сценическихъ дѣятелей и покровителей театра на неудобство учрежденія капиталовъ спеціального назначенія. Уже при бѣгломъ взглядѣ на балансъ Общества, обращаетъ на себя вниманіе обиліе этихъ специальныхъ капиталовъ. Разумѣется, въ основаніи лежитъ симпатичная цѣль увѣковѣчить чье либо имя или выдѣлить особую какую нибудь спеціальную задачу, поставивъ ее на прочный, независимый отъ взглядовъ членовъ Совѣта основанія. Но практически, значительная

часть капиталовъ лежитъ безъ всякаго движенія, не принося русскому театру никакой существенной пользы, лежитъ годы, забывается жертвователями и ждетъ, быть можетъ, черезъ десятки лѣтъ того блаженнаго дня, когда начисленные проценты составятъ необходимую сумму. А будетъ ли еще, по тому отдаленному времени, эта сумма достаточна?

Обратимся къ примѣрамъ. Въ 1897 г., т. е. 4 года тому назадъ, учрежденъ неприкосновенный капиталъ имени И. О. Горбунова. Числится—263 руб. Очевидно капиталъ забытъ и жертвователями, и поклонниками. Въ 1899 г. учрежденъ капиталъ имени Рощина-Инсарова. Числится съ процентами 270 р. 50 коп. Капиталъ на устройство опернаго театра для молодыхъ силъ, пожертвованный Л. А. Тычинскимъ — 419 р. Само собою понятно, что на этотъ капиталъ опернаго театра ни для молодыхъ, ни для старыхъ силъ не выстроить. Г. Тычинскій, руководимый благороднымъ побужденіемъ, пожертвовалъ, для одного лица, значительную сумму. Но идея заглохла, въ оперномъ мірѣ забыли о существованіи такого капитала, и деньги лежатъ, безъ всякаго движенія, безъ пользы для сценическихъ дѣятелей, и безъ всякаго утѣшенія для жертвователя. Капиталъ на устройство въ Москвѣ богадѣльни для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей—366 р. 34 к. Капиталъ не только скромный, но до извѣстной степени безцѣльный по своему назначенію, такъ какъ въ Петербургѣ существуетъ убѣжище, располагающее большими средствами, отличнымъ помѣщеніемъ и находящееся подъ непосредственнымъ призоромъ Совѣта. И пр. и пр.

Наконецъ, существуютъ спеціальныя капиталы, которыхъ скромныя размѣры служатъ къ стыду сценическихъ дѣятелей, и мы напоминаемъ о нихъ, будучи увѣрены, что они быстро пополнятся и достигнутъ нужной для открытія дѣйствій цифры. Таковъ капиталъ имени Пушкина, учрежденный въ

1899 г., и растущий, крайне медленно, только благодаря 10% отчисления изъ доходовъ Общества, и составляющий въ настоящее время всего 1,395 р. 75 к., и во-вторыхъ, капиталъ имени Мочалова, составляющий 934 р. 16 к. Пройдетъ годъ — другой, имя Мочалова, оживленное въ памяти празднествами, понемногу потускнѣетъ въ сердцахъ, и русскіе сценическіе дѣятели такъ и недождутся стипендій имени того, кто съ такою красотою и силою воплотилъ національный гений русскаго актера. Теперь — начало сезона, и будемъ надѣяться, что въ нынѣшнемъ же году этотъ капиталъ Мочалова пополнится. Это надо сдѣлать, хотя бы для того, чтобы не было стыдно предъ потомствомъ за великодушный порывъ, оцѣненный въ сумму 934 р. 16 к.

Вообще-же, капиталы спеціальнаго назначенія, какъ видно изъ этого бѣглаго, наугадъ взятаго перечня, слѣдуетъ жертвовать осторожно и осмотрительно.

Ниже читатели найдутъ письмо Стараго Театрала по вопросу о театральнхъ критикахъ. Вопросъ этотъ волнуетъ умы театраловъ и актеровъ. Мы получаемъ ежедневно обличенія рецензентовъ, и если не печатаемъ ихъ, то только потому, что пришлось бы весь номеръ отвести образчикамъ театральнаго критиканства. Въ одномъ письмѣ предлагается учрежденіе общества сценическихъ дѣятелей для борьбы съ несправедливыми рецензіями. Въ другомъ — рекомендуется организовать союзъ, члены котораго обязались бы не читать рецензій и т. д. Къ сожалѣнію, мѣры эти мало осуществимы, но возбужденіе умовъ явно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ ненормально поставлена театральная критика въ большинствѣ изданій.

Изъ отчета Театрального Общества за 1900 г.

Въ отчетномъ году числилось всего членовъ 2,493, — изъ коихъ 21 — почетный, и 2,472 дѣйствительныхъ. Одну изъ наиболѣе любопытныхъ главъ отчета составляетъ отдѣлъ, посвященный разсмотрѣнію дѣятельности Совѣта. Всего за годъ было 43 засѣданія Совѣта, на которыхъ разсмотрѣно 1,017 заявленій и прошеній. Изъ ходатайствъ, возбужденныхъ въ этомъ году, однимъ изъ наиболѣе важныхъ является ходатайство передъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ о разрѣшеніи русскихъ спектаклей великимъ постомъ. Это ходатайство совпало съ послѣдней стадіей производившейся, по почину Министра Внутреннихъ Дѣлъ, законодательной работы, имѣвшей въ результатъ Высочайше утвержденное 2-го іюля 1900 года, нынѣ уже дѣйствующее, положеніе на этотъ счетъ. Затѣмъ необходимо отмѣтить ходатайства Р. Т. О. передъ Министромъ Императорскаго Двора о назначеніи пенсій члену Общества Н. О. Соловьеву, по случаю исполнявшагося 15 февраля 1900 г. тридцатилѣтія его музыкальной дѣятельности, и вдовѣ покойнаго артиста Императорскихъ и частныхъ театровъ И. П. Кисилевскаго. Первое ходатайство, какъ уже извѣстно читателямъ, было удовлетворено и Н. О. Соловьеву назначена ежегодная пенсія въ размѣрѣ 1,500 руб. На второе же ходатайство послѣдовало сообщеніе Министра Императорскаго Двора, что онъ не нашелъ возможнымъ войти въ сношеніе съ Министромъ Финансовъ о назначеніи пенсій.

Благотворительность Т. О. въ отчетномъ году выразилась въ назначеніи пенсій, выдачѣ единовременныхъ и періодическихъ пособій, опредѣленіи престарѣлыхъ артистовъ въ Убѣжище, воспитаніи за счетъ общества дѣтей сценическихъ дѣятелей и помѣщеніи въ больницы больныхъ сценическихъ дѣятелей. Всѣхъ просьбъ подобнаго рода поступило въ отчетномъ году 215, изъ коихъ удовлетворены были 151, а въ остальныхъ 64 было отказано по разнымъ причинамъ. Въ Убѣжищѣ состояло въ отчетномъ году 14 престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей; періодическихъ пособій выдано было 30 лицамъ на сумму 2,730 руб., единовременныхъ пособій 3 труппамъ 456 руб. 40 к., единовременныхъ пособій членамъ — 1,103 р. (30 лицамъ), единовременныхъ пособій не членамъ Общества (44 лицамъ) — 1,264 р. Затѣмъ за 2 лицъ, страдающихъ

хроническими болѣзнями, уплочено въ больницы 870 р. Наконецъ, на обученіе и содержаніе дѣтей сценическихъ дѣятелей (28 лицъ), истрачено 2,329 р. 60 к. Всего же на благотворительныя нужды затрачено 8,953 р. Присоединяя сюда сумму по содержанію Убѣжища, расходъ по данной отрасли выразится въ суммѣ 14,281 р. 39 к.

Затѣмъ любопытны свѣдѣнія объ охраненіи Обществомъ авторскихъ правъ драматическихъ писателей. Въ отчетномъ году охранялись права 10 лицъ, которымъ принадлежало 28 пьесъ. Авторскаго гонорара поступило 2145 р. 50 к., изъ которыхъ выдано авторамъ 1751 р. 65 к., уполномоченнымъ (т. е. агентамъ) Общества — 86 р. 20 к., и осталось въ пользу Общества 307 р. 65 к.

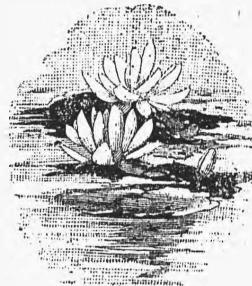
Имѣя въ своемъ распоряженіи бібліотеку, составившуюся изъ пожертвованій, Общество въ отчетномъ году значительно расширило операцію этого учрежденія. Къ концу отчетнаго года числилось 2503 пьесы и 367 комплектовъ ролей. Новыхъ пьесъ приобретено на сумму 261 р. 60 к. и комплектовъ ролей на 375 р. 65 к. Приходъ по бібліотекѣ выразился въ суммѣ 1129 р. 4 к., расходъ — 1264 р. 87 к.

Въ отчетномъ году значительно расширилась дѣятельность московскаго справочно-статистическаго Бюро. Было заключено при его посредствѣ 1274 контракта, на сумму 214,636 р. Въ драму было заключено 1165 контрактовъ на сумму 144,547 р., въ оперу — 40 контрактовъ на 10,670 р., въ оперетку — 35 на 7717 р. Эти операціи дали Бюро прибыли 7863 р. 98 к. Любопытно, между прочимъ, провести параллельно этой отрасли за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. Въ 1898 г. заключено контрактовъ 879 контрактовъ на сумму 145,751 р. Въ 1899—902 контр. на сумму 140,054 р. 68 к. Въ 1900—1274 на сумму 214,636 р. Всего за 3 года — 3055 контрактовъ на сумму 501,441 р. 68 к. Бюро выручило за указанные годы: 17,771 р. 81 к. Такимъ образомъ дѣятельность Бюро съ каждымъ днемъ расширяется. Несомнѣнно, она и еще расширится, такъ какъ теперь выработаны для пользованія услугами Бюро болѣе удобныя правила. Такъ какъ комисіонный ⁰/₁₀ слѣдуемый Бюро, прежде порядкомъ пропадалъ, то въ новыя правила, между прочимъ, внесенъ пунктъ о томъ, чтобы комисіонный ⁰/₁₀ уплачивался непосредственно при врученіи контрактовъ, и безъ уплаты его контракты не выдавались.

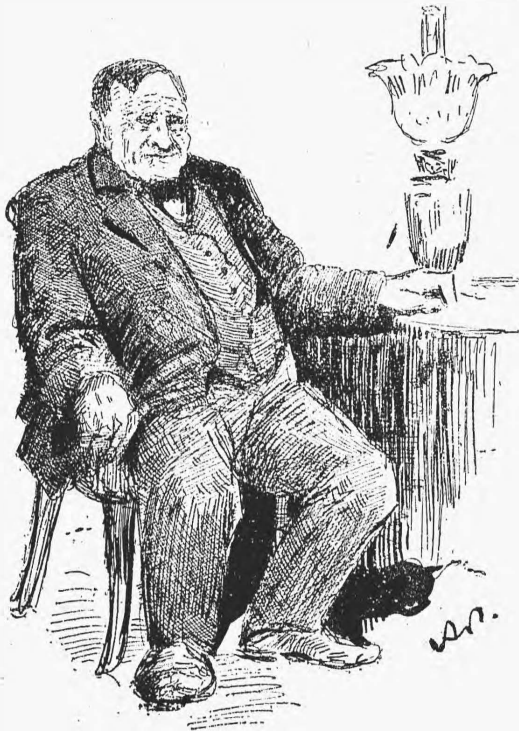
Переходя къ текущимъ средствамъ Общества, нельзя не отмѣтить быстрого роста ежегодныхъ доходовъ Общества за послѣдніе годы. Такъ, въ 1896 году въ кассу Общества поступило всего около 13,000 р., а уже въ слѣдующемъ 1897 году — около 20,000 р.; 1898 годъ далъ сравнительно небольшой приростъ, принеся около 24,000 р. дохода, но зато послѣдующій 1899 годъ повысилъ доходность Общества до 44,140 р. 13 к., т. е. на 20,140 р. 13 к. болѣе предыдущаго. Въ отчетномъ году сумма поступленій въ кассу Общества достигла 55,051 р. 59 к., т. е. на 10,911 р. 46 к. болѣе суммы доходности 1899 года. Слѣдовательно, за послѣдніе два года ежегодный доходъ Общества возросъ на весьма значительную въ столь короткій срокъ сумму 31,051 р. 59 к.

Подобно предшествующимъ годамъ важной доходной статьей Общества явился устроенный въ Маринскомъ театрѣ 5-го февраля маскарадъ, чистая прибыль съ котораго составила 14,390 р. 65 к. За симъ, 30-го декабря въ томъ же театрѣ былъ данъ спектакль, сборъ съ котораго за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, составилъ 3,847 р. 28 к. Наконецъ, устроенный въ залѣ Дворянскаго Соборанія концертъ принеся Обществу 5,527 р. 5 к. чистаго дохода. Такимъ образомъ, весь доходъ отъ маскарада, спектакля и концерта за 1900 годъ выражается суммой въ 23,764 р. 98 к., т. е. на 1764 р. 98 к. болѣе предполагающаго по смѣтѣ.

Не менѣе существенной частью доходовъ Общества являются членскіе взносы, которыхъ въ отчетномъ году поступило 9,565 р., т. е. на 2,355 р. болѣе, чѣмъ въ 1899 г., и на 3065 болѣе предполагающаго по смѣтѣ.

— Театръ Литературно-Художественнаго Общества —
„ПОДЪ КОЛЕСОМЪ“.

Зыковъ.
г. Михайловъ.

Рябинушкинъ.
г. Яковлевъ.

область—судьбалодей со всѣми ихъ индивидуальными особенностями,—страстями, характерами и стремлениями, борющихся другъ съ другомъ за об-

Нinya.
г-жа Бабошина).

Личныя замѣтки объ общихъ вопросахъ театра.

I.

Никто изъ слѣдящихъ за судьбой современной сцены не можетъ отрицать, что рѣдкое искусство до такой степени мало ограждено отъ всевозможныхъ воздѣйствій моды и общественныхъ настроеній, какъ театръ. „Служенье музъ не терпитъ суеты“, сказалъ Пушкинъ. Театру суждено служить музамъ и терпѣть невообразимую суету. Оглушительный гамъ стоитъ вокругъ театра, не даетъ ему покойно завершать начинаемое, и способенъ терроризировать и лишить всякой вѣры въ себя очень многихъ слугъ театра, у которыхъ таланта больше, чѣмъ способности устоять противъ этой суетоки. Но главное, эта суматоха, сплошь да рядомъ вызываетъ *коренное извращеніе основныхъ, присущихъ его смыслу, задачъ театра*. Мнѣ пришлось бы для подтвержденія этого вывода выставить положенія, которыя извѣстны каждому, но которыя рѣшительно отодвинуты въ сторону, чтобы дать мѣсто теоріямъ болѣе новымъ, чѣмъ устойчивымъ и обоснованнымъ. Мнѣ пришлось бы возобновлять въ памяти читателя азбучныя аксіомы, что театръ не долженъ преобразовываться въ *каведру* для проведенія въ общество тѣхъ или другихъ научныхъ проблемъ, въ *трибуну* для пропаганды тѣхъ или другихъ взглядовъ, въ *эстраду* для чтенія въ костюмахъ литературныхъ произведеній, въ *подмостки для выставки картинъ*, въ *музей историческихъ костюмовъ и аксессуаровъ*; что прирожденное значеніе театра, его смыслъ — быть, такъ сказать, *сущенной жизнью*, ея вѣрнымъ и всеобъемлющимъ отраженіемъ въ *миніатюрѣ*, въ наиболѣе типичныхъ проявленіяхъ всего, изъ чего она складывается. Его

щественное или личное счастье, за свои вѣрованія, убѣжденія, чувства и интересы. Эта главная, но неисключительная, цѣль театра даетъ ему право относиться и къ *каведрѣ*, и къ *эстрадѣ*, и къ *трибунѣ*, и ко всему остальному, что я перечеислилъ, какъ *общее къ частному*; она обязываетъ театръ воплощать только тѣ произведенія, которыя рѣшаютъ и философскіе, и социальныя, и научныя вопросы, но не путемъ разсужденій или настроеній, излагаемыхъ въ диалогической формѣ, а путемъ изображенія событій, вызванныхъ индивидуальной волей живыхъ и типичныхъ лицъ, связанныхъ другъ съ другомъ рядомъ взаимоотношеній, на почвѣ борьбы, которая приводитъ къ разрушенію, какъ въ драмѣ и трагедіи, или къ умиротворенію, какъ въ комедіи.

Насколько велика разница между психологіей толпы и психологіей отдѣльнаго лица, между настроеніемъ чловѣка, когда онъ одинъ, и его же настроеніемъ, когда онъ окруженъ множествомъ другихъ людей и составляетъ часть толпы, на столько же должна быть велика разница между приемами и средствами, путемъ которыхъ драматургъ передаетъ свои мысли и образы *зрителю со сцены* съ тѣми приемами и способами, которыми тѣ же мысли и образы передаются *читателю чрезъ посредство книги*. Беллетристъ можетъ разсказывать, описывать, отступать назадъ и забѣгать впередъ; въ его рукахъ биографія, субъективныя отступленія, разнообразнѣйшія формы лирическихъ или саркастическихъ вспышекъ,—словомъ, цѣлый арсеналъ литературнаго оружія всевозможныхъ формъ и видовъ. Драматургъ вооруженъ только діалогомъ. Беллетристъ можетъ законченно высказаться и на трехъ страницахъ, какъ Мопассанъ, на двухстахъ страницахъ, какъ Турге-

невѣ, и на тысячѣ двухстахъ, какъ Гюго; онъ даетъ возможность читателю отложить романъ въ сторону и опять къ нему вернуться, хоть въ теченіе года, двухъ лѣтъ, какъ это происходитъ съ романами, которые печатаются въ журналахъ. Драматургъ долженъ передать весь свой замыселъ въ полномъ его объемѣ въ теченіе одного вечера. Беллетристъ можетъ ввести въ свою картину сколько угодно лицъ, отдѣльных мелочей, изъ которыхъ складывается жизнь, вести параллельно описаніе судьбы цѣлыхъ десятковъ людей. Драматургъ можетъ вводить въ свою пьесу только тѣ лица и событія, которыя непосредственно относятся къ сути пьесы и у него нѣтъ просто физической возможности дать въ равной степени ярко и подробно очерченныя фигуры въ большемъ числѣ. Наконецъ, беллетристъ можетъ свободно избирать содержаніе своихъ пьесъ, описывая цѣлую жизнь своихъ героевъ или, по крайней мѣрѣ, цѣлыя эпохи ихъ жизни. Драматургъ можетъ пользоваться только тѣмъ сюжетомъ, въ которомъ быстро текущее въ борьбѣ дѣйствіе неуклонно ведетъ къ внутренней или внѣшней рѣшительной развязкѣ.

Весь этотъ рядъ ограниченій простора драматурга создаетъ рядъ обстоятельствъ, дѣлающихъ его трудъ гораздо напряженнѣе труда беллетриста, и не даромъ на цѣлыя сотни именъ крупныхъ романистовъ мы можемъ насчитать едва нѣсколько единицъ драматурговъ, имѣющихъ полное право называться этимъ именемъ.

Настроеніе, литературныя достоинства, идейность, философская и социологическая подготовка, даже поэзія замысла и выполненія еще не дѣлаютъ драматурга, разъ онъ не разработалъ въ себѣ еще и способности передать обществу задуманное имъ не въ непосредственномъ общеніи съ единичнымъ читателемъ путемъ книги, а съ цѣлой толпой черезъ посредство самостоятельныхъ художниковъ сцены. Онъ обязанъ, разъ онъ прибѣгаетъ къ ихъ посредству, дать имъ полную возможность выполнить задачу, возлагаемую на нихъ. Онъ обязанъ изучить всѣ тѣ условія, которыя отличаютъ театральныя залы отъ кабинета, аудиторіи, залы для литературныхъ вечеровъ. Но главное, первое, неизбѣжное требованіе, предъявляемое къ драматургу всѣмъ существомъ театра, по-моему, состоитъ вотъ въ чемъ:

Драматургъ не въ правѣ, какъ беллетристъ, ярко проявлять свою личность въ своихъ произведеніяхъ. Весь его субъективизмъ можетъ проявиться лишь въ выборѣ содержанія пьесы и подборѣ дѣйствующихъ лицъ. Но разъ онъ вызвалъ къ жизни данное число лицъ, завязалъ между ними борьбу и повелъ ихъ къ развязкѣ, зритель долженъ жить ихъ жизнью, ихъ дѣйствіями, а не личной жизнью автора, какъ бы она ни была сложна и интересна. Все, что онъ думаетъ, во что вѣритъ, только тогда воспримется зрителемъ, когда зритель увидитъ на сценѣ живыхъ людей, мысли и вѣрованія которыхъ не расходятся съ правдой ихъ личнаго склада, когда они представляютъ изъ себя типичныхъ выразителей своего времени, своей страны, своего быта, а не рупоры, въ которые авторъ съ возвышеннаго мѣста сообщаетъ публикѣ свои—какія угодно выдающіяся по настроенію, поэзіи, глубинѣ философскихъ обобщеній, социологическихъ и психологическихъ выводовъ, но—личныя, субъективныя мысли и чувства, не вытекающія изъ природы и склада дѣйствующихъ лицъ пьесы, а иногда и прямо имъ противорѣчащія, стоящія отъ нихъ совершенно особнякомъ, хотя и изложенныя со всей неподдѣльной „литературностью“. Но, по моему, ничего нѣтъ литературнаго въ томъ, что я философскому трактату, лирическому стихотворенію,

повѣсти,—всему, что можно читать, придамъ діалогическую форму и заставлю актеровъ на сценѣ воплощать отвлеченности, а публику буду пытаться увѣрить, что эти воплощенные абстракты или лирическія тѣни—живые люди, что обстановка, которая ихъ окружаетъ,—уголокъ правдивой жизни въ художественномъ отраженіи.

Истинную сценичность, по моему, составляетъ умѣнье „скрыть себя въ своихъ созданіяхъ такъ, чтобы художника въ нихъ не было замѣтно“. Между тѣмъ, въ ходячей рецензіи всякое использование сценическихъ средствъ съ цѣлью развеселить или растрогать зрителя принято называть сценичностью. Къ сценѣ и ея средствамъ авторъ имѣетъ право и обязанность прибѣгать лишь тогда, когда онъ вводитъ въ театръ дѣйствительно важное и значительное проявленіе серьезныхъ сторонъ жизни въ живыхъ и правдивыхъ образахъ, въ живой и правдивой борьбѣ. Тогда всѣ оружія сцены въ его полномъ распоряженіи, тогда онъ можетъ и долженъ утилизировать всѣ ея эффекты, всѣ ея сильно дѣйствующія средства. И онъ не имѣетъ права ими пренебрегать, прикрываясь тѣмъ, что эти приемы не утилизированы книгой, а значитъ, по той же ходячей рецензіи, не „литературны“.

За послѣдніе двадцать лѣтъ разныя вѣянія и моды породили разные термины, обозначающіе достоинства пьесъ. „Идейныя“ пьесы шестидесятыхъ годовъ „съ направленіемъ“ скоро стали презрительно называться „тенденціозными“ и смѣнились спросомъ на пьесы „реальныя“, отчасти подъ вліяніемъ статей Золя въ „Вѣстникѣ Европы“ въ концѣ семидесятыхъ годовъ. „Реальныя“ пьесы уступили мѣсто пьесамъ „психологическаго“ жанра, а потомъ, къ концу восьмидесятыхъ годовъ и первой половинѣ девятидесятыхъ, были въ спросѣ у критики просто пьесы „литературныя“ и отвергались пьесы, „лишенные литературныхъ достоинствъ“. Спросъ на „символическія“ пьесы какъ-то не привился и пока удовлетворяется только переводными, а не оригинальными пьесами, но зато теперь пьеса безъ „настроенія“ почти лишена права на существованіе и этого „настроенія“ добиваются во что бы то ни стало и отъ структуры пьесы, и отъ лицъ, и отъ всего ея колорита, и отъ всѣй ея постановки на сценѣ. Теперь простить пьесѣ отсутствіе дѣйствія, идеи, жизненности, всѣ прежде сурово караемые пороки, лишь бы въ ней можно было „воспринять неудовимое настроеніе“—это подлинныя слова одного очень крупнаго критика, недавно умершаго.

Странно даже представить себѣ, чтобы авторъ, ушедшій всей своей душой въ созданіе своей пьесы, могъ хотя одну строку написать безъ извѣстнаго личнаго настроенія, передающагося и тонамъ пьесы. Ни одно слово не пишется безъ него. Всегда, вѣчно существовали разные настроенія—юмористическое, лирическое, саркастическое, любовное, героическое, цѣлыя безчисленные ихъ оттѣнки, наконецъ. Гоголь, Шиллеръ, Грибоѣдовъ, наконецъ, Шекспиръ, несомнѣнно, драматурги настроеній... но и много другого, болѣе важнаго, чѣмъ это неизбѣжное свойство всякой талантливой вещи. Большаго настроенія чѣмъ у Островскаго—ну, хотя бы въ его „Возприданницѣ“—трудно себѣ представить даже у... Ибсена. Нельзя имъ отказать ни въ „идейности“, ни въ „реальности“, ни даже въ „литературности“. Но это все такія ихъ свойства, которыя мы найдемъ и у равныхъ имъ писателей не драматурговъ, и у нихъ самихъ во всемъ, что они писали не для сцены. Но не одно какое-нибудь изъ этихъ свойствъ писательской личности, даже не вся ихъ сумма дѣлаетъ Гоголя, Шиллера, Грибоѣдова, Гюго, Островскаго,

Мольера и, наконецъ, Шекспира не только гениальными писателями вообще, но и великими драматургами. Ихъ творчество властно вступаетъ въ театръ и сливается съ его законами и его сущностью. Это драматургии Божьей милостью, съ прирожденнымъ пониманіемъ того, что драма не можетъ быть пошлостью, а комедія не имѣетъ ничего общаго съ трактатомъ. Шекспиръ и Мольеръ были актерами, а Гоголь хотѣлъ имъ быть потому, что эти великіе драматургии всей своей необъятной душой постигали, что сцена—особый, сложный аппаратъ, пути котораго совсѣмъ иные, чѣмъ пути книги, хотя цѣль и значеніе той и другой одни и тѣ же; что нельзя быть драматургомъ, не изучивъ театра близко и непосредственно, какъ нельзя биться палашомъ или шпагой, не умѣя фехтовать, хотя бы боецъ былъ одушевленъ величайшей идеей, охваченъ глубочайшимъ настроеніемъ, понималъ бы всю философію и социальное значеніе войны, наконецъ, имѣлъ бы всѣ давныя бытъ бойцомъ. Ни Шекспиръ, ни Шиллеръ, ни Гюго не чуждались драматическихъ и трагическихъ, *эффектовъ* сцены (я смѣло употребляю это слово принимая на себя всѣ послѣдствія этой смѣлости), въ видѣ сгущенныхъ красокъ діалога, убійствъ, сумасшествій, громовъ и привидѣній. Ни Мольеръ, ни Гоголь, ни Грибоедовъ, ни Островскій не боялись комическихъ оборотовъ рѣчи, яркости и выпуклости своихъ лицъ, рискованности своихъ комическихъ положеній, смѣлости своихъ рисунковъ. Вручая себя въ руки актера, они давали ему и возможность осуществить возлагаемыя на него задачи. Отдавая сценѣ своя произведенія, они знали, съ чѣмъ они имѣютъ дѣло, и сцена въ ихъ рукахъ была тѣмъ самымъ горячимъ конемъ, который сбрасываетъ съ себя и ломаетъ шею неопытному или робкому всаднику, но покоренъ малѣйшему движенію «могучаго сѣдока». Если имъ нужно было бросить въ общество *со сцены* свои замыслы и образы, свои философскія обобщенія и социальные взгляды, охватить общество своими настроеніями и своими идеями, то они дѣлали это именно такъ, какъ это можно дѣлать только путемъ сцены: брали живыхъ людей, вызывали ихъ страсти, добродѣтели, пороки, стремленія и запросы, сталкивали ихъ въ борьбѣ за живые, настоящіе, человѣчеству свойственные интересы и съ быстротой чисто театральной вели все къ той или другой развязкѣ. Для нихъ театръ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть,—мѣстомъ художественнаго воплощенія вѣчной борьбы добра и зла,—борьбы, въ которой растутъ и проявляются человѣческіе характеры, гибнутъ или зарождаются идеи, создаются или умираютъ учрежденія и понятія, борьбы вѣчной, какъ вѣчна сама жизнь. И на этой аренѣ боролись не фразы, не абстракты, а люди съ яркой окраской своего времени и своего быта.

Нельзя не видѣть, какъ эти положенія ярко и своеобразно отразились на одномъ изъ самыхъ глубокихъ и талантливыхъ нашихъ драматурговъ, А. П. Чеховѣ. Не въ настроеніи сила и секретъ его вліянія и значенія. Настроеніе его проявляется съ такой силой именно потому, что яркость и жизненность его лицъ, положеній ихъ въ дѣйствіи и правда всего колорита находятся въ полной гармоніи съ его внутреннимъ творчествомъ; онъ настолько проникается жизнью своихъ лицъ, такъ сживается съ ихъ образами, что волей неволей сообщаетъ имъ ту окраску, какую, въ сущности,—онъ самъ получилъ отъ нихъ. Именно потому, что въ немъ бьется нервъ драматурга, онъ не можетъ быть такимъ представителемъ этой «теоріи настроенія», какимъ хотятъ его видѣть его безчисленные послѣдователи, образующіе вокругъ него цѣлую ячюлу, болѣе богатую воспримчивостью,

Театръ Литерат.-Художествен. Общества.
„ПОДЪ КОЛЕСОМЪ“.

Агнешека и Оладина.

чѣмъ способностью создать изъ одной особенности огромнаго таланта Чехова новый сценическій катехизисъ.

Все, что я успѣлъ сказать въ этой статьѣ, носитъ скорѣе характеръ „исповѣданія вѣры“, чѣмъ обоснованнаго трактата о вопросахъ, которые, по моему, имѣютъ теперь исключительное значеніе и первостепенную важность. Отъ этой исходной точки зрѣнія на задачи театра только и можно отправляться, если мы захотимъ сознательно и добровольно дать себѣ отчетъ въ цѣломъ рядѣ важныхъ вопросовъ: Что изъ себя представляетъ нашъ русскій современный театръ, чѣмъ онъ окруженъ, куда его направляютъ и, наконецъ, въ чемъ лежатъ его ближайшія и важнѣйшія задачи. Только три группы вопросовъ.—Но сколько въ каждой группѣ такого, что завалено мусоромъ безчисленныхъ толковъ о театрѣ вкривъ и вкосъ, сбивающихъ общество и лишающихъ театръ его правдиваго, коренного значенія и его настоящей окраски. Только долготѣлая работа моя *исключительно* въ области театра даетъ мнѣ смѣлость высказать свои личные взгляды на эти вопросы.

Кн. А. Сумбатовъ.

О театральной критикѣ.

(Письмо въ редакцію).

Время отъ времени поднимается вопросъ о театральныхъ рецензіяхъ. Вопросъ этотъ больной, жгучій. Страдаютъ отъ театральныхъ рецензій не столько сценическіе дѣятели—что еще не такъ важно—страдаетъ самое искусство. Раны, нанесенныя актерамъ глупыми, пошлыми, бездарными и пристрастными рецензіями, излѣчиваются скоро. „Утѣшится жена, и лучший другъ забудетъ друга“. Но не скоро заживаютъ раны, которыми покрываютъ тѣло театрального искусства—нашего прекраснаго и высокаго искусства—тупые удары безмы-

сленныхъ и нелѣпыхъ рецензій. Разлагается самое искусство; смущаются умы; утрачиваются принципы: болѣе робкіе идутъ на поклоненіе ложному искусству, которое рекламируется часто изъ личныхъ соображеній; сбиваются съ толку начинающіе дарованія, и, буквально, въ душахъ и умахъ водворяется хаосъ.

Въ „замѣткахъ антрепренера“ г. Вета отчасти затрогиваетъ вопросъ о рецензіяхъ. Много вѣрнаго и искренняго (а главное смѣлаго) высказано въ этихъ замѣткахъ. Мнѣ кажется, очень интересно взглянуть на вопросъ съ болѣе глубокой, такъ сказать, исторической точки зрѣнія. Паденіе и вырожденіе театральной критики — фактъ несомнѣнный. Такихъ безобразій, какія мы встрѣчаемъ теперь на каждомъ шагѣ — превознесеніе явно сквернаго, нелѣпаго и анти-художественнаго, наряду съ замалчиваніемъ истинно талантливаго — не бывало, или не бывало въ такой степени. Нельзя все объяснять личнымъ составомъ рецензентовъ. Люди всегда люди. И раньше, среди рецензентовъ, были понимающіе и честные, наряду съ непонимающими и нечестными, и теперь тоже самое. Но раньше было въ рецензіяхъ гораздо больше *внутренней*

свободы, которой теперь нѣтъ. Въ вопросахъ публицистики огромное значеніе имѣетъ такъ называемая внѣшняя свобода, рамки, налагаемыя цензурою, и характеръ публицистики часто опредѣляется эластичностью и растяжимостью послѣднихъ. Но въ вопросахъ художественной критики единственное значеніе имѣетъ лишь внутренняя свобода. А она то и стѣснена и убита условіями нашей печати, строемъ газетно-театральныхъ отношеній, всевозможными давленіями, производимыми на рецензентовъ и лишающими ихъ оцѣнку всякой непосредственности, всякой непредустановленности.

Дѣло не въ подкупѣ. Я не вѣрю въ подкупъ рецензентовъ деньгами, въ той или другой формѣ, и не придаю даже значенія должности „литературнаго секретаря“, котораго обязанность „устраивать дѣла“ по редакціямъ. Вообще, все это очень мелко плаваетъ и несущественно. Дѣло не въ мелкихъ репортажахъ, не въ рекламныхъ замѣткахъ. Дѣло въ томъ, что, вообще, театральный критикъ и рецензентъ вымираетъ, какъ разновидность, какъ специальность. Ди-

летантизмъ сталъ достоинствомъ театральной критики. Кто бы ни игралъ, любители или актеры, — пишутъ о нихъ почти всегда любители.

Это имѣетъ огромное значеніе. Не только въ томъ смыслѣ, что любители меньше понимаютъ, чѣмъ профессиональные, такъ сказать, критики, но еще больше въ томъ, что любители не знаютъ профессиональнаго долга. Для насъ, живущихъ театромъ и въ театрѣ, — вопросъ о томъ, какъ сошла пьеса, какъ игралъ актеръ, есть важнѣйшій вопросъ нашего духовнаго міра. Для журналиста, который пишетъ сегодня о думѣ, завтра о бѣгахъ, потомъ о политикѣ Австріи, о картинѣ Семирадскаго, о конверсіи облигацій, о реформѣ университетовъ, и наконецъ, о театрѣ, — послѣдній занимаетъ самое скромное мѣсто. Онъ вездѣ, нынѣшній критикъ. Il sait tout, il voit tout et il foule son nez partout. Если совралъ въ рецензии — простятъ, потому что хорошо написалъ о реформѣ университетовъ. Всегда можно отыгаться, печѣмъ особенно дорожить. Вліяніе журналиста распространяется на всѣ сферы жизни, и его профессиональный долгъ по отношенію къ театру обратно пропорціоналенъ разносторонности его дѣятельности. Укажите мнѣ въ на-

стоящее время театральныхъ критиковъ, вродѣ, на примѣръ, Коровякова, который всю жизнь, такъ или иначе, служилъ театру. — Почти всѣ нынѣшніе театральные критики ведутъ свое происхожденіе отъ знаменитаго энциклопедиста, г. Скальковскаго, который, подобно „бѣдному Іонафану“, „качалъ дѣтей, игралъ чертей“ и писалъ рѣшительно обо всемъ.

Профессиональный долгъ, безъ всякаго сомнѣнія, является величайшею дисциплинирующею силою. Достаточно одного сознанія, что честь, достоинство человѣка зависятъ отъ слова или поступка для того, чтобы произнесеніе слова или совершеніе поступка сопровождалось крайнею осмотрительностью. Инженеръ дорожитъ репутаціею инженера, адвокатъ — репутаціею адвоката, критикъ репутаціею критика. Но у насъ, повторяю, нѣтъ театральныхъ критиковъ. Пишутъ обо всемъ вездѣ, и даже подписываются „Маркизъ Паспарту“. И вотъ, что значить для „Маркиза Паспарту“ „легонечко перепустить“ на счетъ театра? Онъ не дорожитъ своей судейской честью. Вѣдь, вотъ, мы отлично понимаемъ, что судья можетъ

Театръ Литерат.-Художествен. Общества.

Г-жа Миронова (въ роли «Заза»).

быть добрейшимъ и мягкосердечнѣйшимъ человѣкомъ, но судить „по всей строгости законовъ“. Но само собой разумѣется, будь этотъ судья въ тоже время смотрителемъ пробирной палатки, податнымъ инспекторомъ и строителемъ мостовъ,—его судейская совѣсть не стала бы заявлять такъ громко о своихъ правахъ. Ну что за важность, думаетъ „Маркизь Паспарту“, — если я похваляю противъ совѣсти X., помолчу противъ совѣсти обѣ Y., выругаю слегка, противъ совѣсти, Z.? Въ концѣ концовъ, весь театръ есть ничтожная частица того „микрокосмоса“, который находится въ моемъ распоряженіи, въ качествѣ „Маркиза Паспарту“... И ложь о театрѣ, ложь гуманная, ложь дипломатическая, ложь во благо, ложь во спасеніе,—все растетъ да растетъ.

Чего я хотѣлъ бы,—я, старый театралъ, душою преданный искусству? Я бы хотѣлъ, чтобы театръ былъ самостоятельнымъ, обособленнымъ искусствомъ, чтобы съ нимъ не произошло того—а съ нимъ это уже начинается совершаться—что происходило на нашихъ глазахъ съ литературою, которая, начиная съ 60-хъ годовъ и кончая исходомъ 80-хъ, около 25 лѣтъ, съ точки зрѣнія критики, почти не существовала, какъ самостоятельная цѣнность, какъ цѣнность „сама въ себѣ“, но превратилась въ прислужницу публицистическихъ тенденцій. Это было печальное время—замалчиванія художественныхъ красокъ Толстого, Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, время, отодвинувшее въ тѣнь Майкова, Апухтина, Фета, Тютчева, и выдвинувшее на головкружилтельную высоту Надсона. Мое сердце болитъ, когда я думаю о томъ, что на театръ накладывается понемногу грубая рука морали и общественныхъ тенденцій. Для меня искусство, вообще, и искусство театра, въ частности,—есть начало, само по себѣ сущее, само по себѣ прекрасное, само по себѣ довлѣющее. Вотъ что я называю „внутреннею свободою“ театральной критики, постепенно заточаемою въ цѣпи партійности и тенденціозности. Пусть моралисты учатъ добру, пусть публицисты разбираются въ вопросахъ общественной жизни, но пусть искусство будетъ искусствомъ, а театръ—театромъ. Не называйте красоты безобразіемъ, потому что эта красота не отвѣчаетъ вашимъ политическимъ взглядамъ, вашимъ общественнымъ пристрастіямъ,—и наоборотъ, не хвалите безобразія, потому, что оно питаетъ вашу тенденціозную мысль.. Вандалы уничтожили памятники искусства, и—„боги“ не воскресли. Все-же остальное на верстаномъ съ лихвою. Вотъ что такое искусство, ибо оно незапечатлѣваемо, какъ сонъ...

Старый театралъ.

А. А. Потѣхинъ, какъ драматургъ.

(По поводу 50-лѣтія его литературной дѣятельности, 27-го сентября 1901 г.).

А. А. Потѣхинъ родился въ Костромской губерніи въ 1829 году. Первоначальное свое воспитаніе онъ получилъ въ Костромской гимназіи, по выходѣ изъ которой поступилъ въ Демидовскій ярославскій лицей, гдѣ кончилъ курсъ въ 1848 году, съ серебряной медалью. Первымъ литературнымъ трудомъ А. А. Потѣхина была статья, напечатанная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ въ 1851 году 28 сентября, по поводу бенфеиса С. В. Шумскаго. Статья обратила на себя общее вниманіе,—и мы слышали отъ самого С. В. Шумскаго,—артисту была сдѣлана первая прибавка къ жалованью. С. В. Шумскій съ особеннымъ удовольствіемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, вспоминалъ объ этомъ. Первою пьесою, поставленной А. А. Потѣхинымъ на сценѣ, была драма, напечатанная въ де-

кабской книжкѣ 1853 года, въ журналѣ „Москвитянинъ“ „Судъ людской—не Божій“. Драма эта является первой бытовою пьесою русскаго репертуара. До нея, за исключеніемъ сценъ Стахѣева „Ночное“ и „Изба“, у насъ не было ни одной пьесы, написанной народнымъ языкомъ. Комедія Островскаго „Не такъ живи, какъ хочется“, появилась гораздо позднѣе. Интересно при этомъ, что Аполлонъ Григорьевъ укорялъ А. А. въ томъ, будто онъ заимствовалъ свою пьесу изъ драмы А. Н. Островскаго. Предположеніе уже хронологически неосновательно. Много труда и энергіи потребовалось, чтобы, при существующей въ то время строгости драматической цензуры, провести пьесу на сценическую подмостки, и только послѣ усиленныхъ хлопотъ она была дана въ первый разъ въ Москвѣ, въ 1854 году 29-го ноября. „Судъ людской“, имѣлъ громадный успѣхъ. Въ Москвѣ роль Матрены, героини пьесы, создала актриса-самородокъ, Никулина-Косицкая; въ Петербургѣ въ ней выдвинулась А. М. Читау, и о ней, послѣ исполненія роли Матрены, заговорилъ весь Петербургъ. Роль Николая Спи-

А. А. Потѣхинъ.

ридоновича, отца Матрены, была первою драматическою ролью Прова Садовскаго. Провъ Садовскій очень высоко ставилъ эту роль въ своемъ репертуарѣ. Извѣстный художникъ Воклевскій сдѣлалъ съ него въ ней превосходный портретъ, который П. М. подарилъ автору. Написанная одновременно съ этою пьесою, драма „Братъ и Сестра“, служащая эпилогомъ къ извѣстному роману того же автора „Крестьянка“, только черезъ одиннадцать лѣтъ, подъ названіемъ: „Хоть шуба овечья, да душа человѣчья“, увидела сцену. Вообще десятилѣтняя давность играетъ видную роль въ литературно-сценической дѣятельности А. А. Потѣхина. Почти всѣ пьесы появились на сценѣ спустя десять лѣтъ. Будь поставлена пьеса „Братъ и Сестра“ своевременно, до отмѣны крѣпостнаго права, она произвела бы на сценѣ фуроръ.

Но, спустя лѣто, по малину въ лѣсъ не ходятъ. Успѣху драмы помѣшало также и то, что въ то время, когда она была подъ цензурнымъ запретомъ, ее не обворовывалъ только лѣнливый изъ драматурговъ. Вдова молодая помѣщица, ея капризная дочь Лизанька, превосходно исполнявшаяся въ Москвѣ г-жею Никулиной, а въ Петербургѣ Лелевой, секретарь земскаго суда, губернской волокита, приближенная Софьи Павловны (имя помѣщицы), горничная Авдотья, мелькали все время передъ публикою. Оба эти женскіе типа, помѣщицы и ея соперницы, послужили, вѣроятно, прототипомъ для героинь „Лѣса“.

Второю пьесою А. А. Потѣхина, поставленною на сценѣ, была его комедія „Чужое добро въ прокъ не идетъ“. Комедія эта займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи нашей сцены. Она выдвинула нѣсколько талантливыхъ актеровъ, указавъ имъ ихъ настоящую дорогу. А. И. Мартыновъ, Сергѣй и Павелъ Васильевы, только послѣ исполненія въ ней роли Михайла были возведены публикою въ званіе великихъ актеровъ. Вслѣдъ за этою пьесою

А. А. поставилъ на сцену, предварительно напечатавъ въ „Современникъ“, свою четырехактную комедію „Новѣйшій Оракулъ“. Она была представлена впервые въ 1861 году, на сценѣ Московскаго Малаго театра, въ бенефисъ г-жи Акимовой. А. А. съ большимъ стараніемъ отдѣлалъ одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой комедіи, блаженную Аксющенку. А. Н. Островскій, нѣсколько лѣтъ спустя, цѣликомъ перенесъ ее подъ именемъ Манефы, въ комедію „На всякаго мудреца“. Комедія „Мишура“, написанная А. А. въ 1856 году, увидала сценическаго подмостки только въ 1861 году. Пьеса эта имѣла крупный успѣхъ, „литературный“, сценический. Вслѣдъ за этой пьесой въ Москвѣ и въ Петербургѣ была поставлена въ 1865 г. комедія „Отрѣзанный ломоть“. Успѣхъ ея былъ необычайный, чему способствовала „злободневность“ вопроса о новыхъ и старыхъ поколѣніяхъ. Въ Петербургѣ Самойловъ, а въ Москвѣ Самаринъ, въ роли старика создали живые лица. Но это роковымъ образомъ и повліяло на судьбу драмы. Одно изъ высокопоставленныхъ лицъ въ Москвѣ усмотрѣло намекъ на свои семейныя отношенія, и пьесу сняли съ репертуара.

Въ 1869 году А. А. Потѣхинъ отдалъ на сцену свою комедію „Виноватая“. Писать о ней—значитъ говорить о незабвенной Екатеринѣ Васильевой и Монаховѣ. Монаховъ даже дебютировалъ въ этой пьесѣ и послѣ исполненія роли былъ тотчасъ же принятъ на Петербургскую сцену, на весьма странныхъ и непонятныхъ для насъ теперь условіяхъ: *никогда не требовать жалованья*. Само собою разумѣется, что подобное курьезное условіе вполнѣ было отмѣнено. „Виноватая“ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ имѣла большой успѣхъ. Не такъ посчастливилось другой комедіи „Современные рыцари“. А. А. Потѣхинъ вслѣдствіе цензурныхъ требованій не только долженъ былъ измѣнить ея титулъ, замѣнивъ его для сцены названіемъ „Въ мутной водѣ“, но выкинуть изъ нея всѣ народныя сцены, и передѣлать героя пьесы изъ нѣмца въ лицо неопредѣленной національности. Монаховъ, впрочемъ, игралъ роль нѣмца, и даже съ сильнымъ акцентомъ. Комедія „Выгодное предпріятіе“, написанная и поставленная А. А. въ 1878 году, дала возможность М. Г. Савиной выказать въ роли Ольги комическую сторону своего блестящаго дарованія. Въ 1881 г. увидала свѣтъ одновременно въ Москвѣ и въ Петербургѣ комедія А. А. „Вакантное мѣсто“. Комедія эта написана въ 1869 г., а разрѣшена была къ представленію только 20 декабря 1880 г., т. е. черезъ одиннадцать лѣтъ. Пьеса очень понравилась, въ особенности въ Москвѣ, но, по независящимъ обстоятельствамъ была снята съ репертуара обѣихъ столицъ. Постановка этой комедіи совпала съ тридцатилѣтнемъ литературной дѣятельности А. А. Потѣхина, который, въ дѣя ея первыхъ представленій въ Москвѣ и Петербургѣ, былъ предметомъ самыхъ шумныхъ овацій публики и артистовъ. Чествовать же маститаго юбиляра при открытомъ занавѣсѣ не было разрѣшено. Последнимъ произведеніемъ А. А. была драма „Около денегъ“, передѣланная имъ вмѣстѣ съ В. Крыловымъ изъ своего же романа, того же названія. Пьеса, и исполненіе въ ней главной женской роли П. А. Стрепетовой въ Петербургѣ и М. Н. Ермоловой въ Москвѣ свѣжи еще въ памяти всѣхъ театраловъ.

М. В. Каринцевъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Мы слышали, что въ виду частыхъ нарушеній контрактовъ, предполагается фамиліи нарушившихъ договоръ артистовъ и антрепренеровъ выставить на аукціонъ въ Бюро Театральнаго Общества, и не совершать на ихъ имя никакихъ договоровъ.

Въ военномъ вѣдомствѣ возбужденъ вопросъ о недопущеніи нижнихъ воинскихъ чиновъ выступать въ театрахъ въ качествѣ статистовъ.

26 ноября исполняется пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности П. И. Вейнберга. Въ журналѣ „Пантеонъ“, въ ноябрьской книжкѣ за 1851 г., появился первый литературный трудъ П. И.: переводъ драмы Жоржъ-Зандъ „Клоди“.

Въ январѣ будущаго года исполняется сорокалѣтіе сценической дѣятельности Г. Н. Федотовой. Первый де-

бютъ на императорской сценѣ состоялся, когда ей минуло 16 лѣтъ. Дебютировала она въ пьесѣ П. Д. Воборыкина „Ребенокъ“.

Предсѣдатель общества драматическихъ писателей г. Кондратьевъ увѣдомилъ дирекцію Новаго театра, что пьеса „Чайка“ не разрѣшается къ постановкѣ на сценѣ этого театра. Дирекція театра отправила автору пьесы А. П. Чехову телеграмму съ запросомъ, но отвѣтъ получился отрицательный.

Новая комедія И. В. Шпагинскаго въ 4 д. „Талантъ и жизнь“ (Рука руку моетъ) пойдетъ въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества въ началѣ ноября, въ 25-лѣтній юбилей драматурга.

Театръ „Фарсъ“ открываетъ сезонъ въ Пассажѣ 1 октября. Для открытія идетъ новый фарсъ „Столичное просвѣщеніе“.

Въ „Петербургскомъ театрѣ“ сезонъ начинается 27 сентября. Поидетъ „Коварство и любовь“. Луиза—г-жа Исарова, Леди Мильфордъ—г-жа Некрасова-Колчинская, Фердинандъ—г. Агаревъ.

Слѣдующая новинка театровъ Попечительства—новая обстановочная пьеса В. А. Крылова, написанная специально по заказу Попечительства.

Г-жа Стрѣльская ставитъ въ свой бенефисъ пьесу А. А. Потѣхина „Въ мутной водѣ“. Пьеса пойдетъ 5 декабря.

Драматической цензурой пропущены новыя пьесы: кн. А. И. Сумбатова „Ириновская община“ и Е. П. Карпова „Шахта Георгія“.

Недавно назначенный редакторомъ „Ежегодника Императорскихъ театровъ“ г. Полъновъ, по слухамъ, отказался отъ этой должности. Говорятъ, ее снова займетъ С. П. Дягилевъ.

„Ливадія“, снятая г. Бовіо, открывается въ срединѣ декабря. Предполагаются спектакли французской опереточной труппы и кафе-шантанъ.

Г. Марксъ издалъ сочиненія Ив. Фед. Горбунова. Изданіе редактировано г. Кони. Въ первомъ томѣ помѣщены тѣ удивительныя „сцены“, которыми Горбуновъ восхищалъ слушателей и которыя многіе до сихъ поръ помнятъ наизусть. Сцены эти раздѣлены на три разряда: изъ народнаго быта, изъ купеческаго, изъ городской жизни. Затѣмъ слѣдуютъ подъ особой рубрикой „монологи“ въ родѣ извѣстныхъ: „Спрятался мѣсяцъ за тучкой“, „Отъ мирового и проч. Во второй томѣ вошли белетристическія работы Горбунова: очерки и рассказы, драматическіе этюды, подражанія старинной письменности, очерки изъ исторіи театра и наконецъ отрывки изъ воспоминаній. Значительная часть этихъ отрывковъ появляется въ первый разъ, равно какъ и нѣсколько шутивыхъ пародій старинной письменности.

Прилагаемый здѣсь портретъ И. Ф. Горбунова изображаетъ любимый гримъ генерала Дитятина—миоическаго лица, отъ имени котораго Горбуновъ частенько произносилъ монологи и спичи.

19-го сентября начались занятія въ Обществѣ любителей хороваго пѣнія при церкви Св. Анны. Спѣвки происходятъ по средамъ въ залѣ Анненскаго училища подъ управл. регента Об—ва Ф. В. Виссендорфа. Въ нынѣшнемъ году хоромъ разучивается для концерта драматическаго ораторія въ 5 отдѣленій „Царь Соломонъ“, Людвигъ Менатуса. Партію царя Соломона будетъ пѣть извѣстный теноръ г. Сениусъ. Въ послѣдній разъ ораторія была исполнена около 30 лѣтъ тому назадъ, такъ что является для публики почти новинкой. Семейный вечеръ Об—ва состоитъ 1 декабря въ залѣ Павловой.

Московскія вѣсти.

Какъ извѣстно, московская дума отвела обществу содѣйствія общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій мѣсто на Лѣвничьемъ полѣ для постройки здѣсь въ пятилѣтній срокъ народнаго дома. По свѣдѣніямъ „Рус. Листъ“, проектируемый народный домъ долженъ превзойти все существующее въ этомъ родѣ въ обѣихъ столицахъ, какъ по красотѣ, такъ и

П. О. Горбуновъ,
въ гримѣ генерала Дитятина.

по грандиозности. Фасады зданія архитекторомъ выполнены въ оригинальномъ «ново-русскомъ» стилѣ, представляющемъ изъ себя обработанный въ нѣсколько декадентскомъ духѣ нашъ русскій стиль. Получилось нѣчто вродѣ какого-то сказочнаго дворца. Народный домъ, по проекту, заключаетъ въ себѣ громадную аудиторію со сценой, рассчитанную на 2,102 человека. Кромѣ этого театра, въ домѣ имѣется залъ для чтеній на 300 мѣстъ, фойе, физическій кабинетъ, музей, столовая, чайная, библіотека, книжный складъ и читальня. На сооруженіе народнаго дома председателемъ общества С. А. Скирмунтомъ пожертвовано 5,000 рублей. Кромѣ того, поступили и другія пожертвованія, всего до 30,000 рублей. Осуществленіе же задуманнаго проекта потребуетъ расхода свыше 200,000 руб. Тѣмъ не менѣе, общество въ непродолжительномъ времени представляетъ проектъ народнаго дома въ установленномъ порядкѣ на утвержденіе.

— Дирекція Императорскихъ театровъ намѣрена возобновить въ нынѣшнемъ сезонѣ для М. Н. Ермоловой «Орлеанскую дѣву». Небезынтересно отмѣтить, что возобновленіе «Орлеанской дѣвы» совпадаетъ со столѣтіемъ драмы Шиллера, первое представленіе которой происходило въ Лейпцигѣ на сценѣ театра «am Ranstädter Thore» 11-го сентября 1801 года.

— Открытіе Художественнаго театра состоялось 19 сентября. Успѣхъ: «Дикой утки» средній.

— Гастроли четы Фигнеръ въ Большомъ театрѣ предполагаются въ началѣ октября.

— На-дняхъ на общемъ товарищескомъ собраніи артистовъ Частной оперы окончательно рѣшенъ вопросъ о новой формѣ веденія опернаго предпріятія—на началахъ товарищества. Открытіе сезона предположено на 20—22-е число. Г. Шевелевъ выступилъ изъ состава труппы, подписавъ контрактъ въ кievскую оперную труппу г. Борода. На мѣсто г. Шевелева въ частную оперу приглашенъ бывшій артистъ Императорской оперы г. Соколовъ. По слухамъ, теперь ведутся переговоры съ баритономъ г. Петровымъ.

— Дирекція Художественно-общедоступнаго театра получила увѣдомленіе, что школа не можетъ быть разрѣшена. Дирекція очутилась въ затруднительномъ положеніи, ибо успѣла составить себѣ цѣлый штатъ, подходящихъ къ задачамъ театра, артистовъ-учениковъ. Попытка пристроить своихъ учениковъ опять къ филармоническому училищу не увѣнчалась успѣхомъ. Затѣмъ дирекція Художественно-общедоступнаго театра обратилась въ кружокъ искусства и литературы съ предложеніемъ устроить школу при кружкѣ. Было создано собраніе, большинствомъ двухъ голосовъ (?) вопросъ былъ разрѣшенъ въ благопріятномъ для Художественнаго театра смыслѣ. Кружокъ выговариваетъ себѣ право контроля и обсужденія всѣхъ мѣропріятій, касающихся желательной постановки дѣла.

Мотивы неразрѣшенія школы при театрѣ—намъ неизвѣстны. Существуютъ совершенно свободно школы частныхъ лицъ, театръ же лишенъ этой возможности.

* * *

Въ воскресенье, 16 сентября, открылся сезонъ въ 1-мъ общественномъ собраніи (Нѣмецкій клубъ). Группой драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ З. П. Пановой, были поставлены: «Общество поощренія скуки» и «Дорогой поцѣлуй».

* * *

† А. В. Анчаровъ-Эльстонъ. На-дняхъ въ Ростовѣ скончался артистъ Александръ Владиміровичъ Дубровский, извѣстный больше подъ своимъ сценическимъ псевдонимомъ—Анчаровъ-Эльстонъ. Покойный родился въ 1867 г., въ Новородомскѣ. Воспитаніе получилъ въ Пажескомъ Е. И. В. Корпусѣ, затѣмъ въ московскомъ «Училищѣ живописи, ваянія и зодчества», гдѣ занимался специально по классу портретной живописи. Покойный тогда же, увлекшись театромъ, свободные часы посвящалъ декламации. Въ любительскихъ спектакляхъ Анчаровъ никогда не участвовалъ и первый дебютъ его на подмосткахъ состоялся на сценѣ Пушкинскаго театра въ Москвѣ. Затѣмъ Анчаровъ служилъ сезонъ въ Новочеркасскѣ (антреприза П. М. Черкасова), гдѣ исполнялъ роли второго любовника. Спустя годъ, выступалъ въ роляхъ первыхъ драматическихъ любовниковъ, и это амплуа занималъ до послѣдняго времени. А. В. послѣдовательно служилъ въ слѣдующихъ городахъ: Вильнѣ (2 сезона), Ригѣ (3 сезона), Гроднѣ, Ялтѣ, Москвѣ (Импер. Мал. театр, куда былъ принятъ послѣ дебютовъ въ роляхъ Чацкаго и Незнамова), Петербургѣ (театръ Литературно-Художественнаго Общества) и Кіевѣ. Затѣмъ служилъ сезонъ въ «Фарсѣ». Въ прошломъ году Анчаровъ держалъ антрепризу въ Нахичевани. Основные роли репертуара А. В.: Чацкій, Хлестаковъ, Незнамовъ, Жадовъ, Глумовъ, Уриэль-Акоста, Ромео, Гамлетъ, Коррадо, Бертрамъ («Принцесса Греза») Петруччіо («Укрощеніе Строптивой») Фердинандъ («Коварство и Любовь»). Анчарову удавались болѣе костюмныя роли, требующія горячности и живописности. Такъ, Петербургъ хорошо помнитъ покойнаго въ роли Бертрама изъ «Принцессы Грезы». У него былъ симпатичный голосъ, темпераментъ, красивая вѣнность. Къ сожалѣнію, не хватало выдержки, устойчивости, дисциплины. При своихъ данныхъ, Анчаровъ-Эльстонъ могъ стать украшеніемъ русскаго театра,—падалъ же все ниже и ниже. Болѣзнь Анчарова-Эльстона началась со страданія сѣдалищаго нерва, перешла въ морфинизмъ и довела его до могилы. Анчаровъ скончался во время перенесенія его изъ гостиницы въ больницу.

* * *

† А. В. Анчаровъ-Эльстонъ.

† Б. А. Фитингофъ-Шель. На-дняхъ скончался, 72 лѣтъ отъ роду, баронъ Б. А. Фитингофъ-Шель, небезизвѣстный композиторъ-дилетантъ. Покойный написалъ четыре оперы, изъ которыхъ три («Мавпеа», «Тамара» и «Жуанъ-ди-Теноріо»)

исполнялись на сценѣ, но безъ особеннаго успѣха. Удачныѣ оказались балеты барона Шеля «Гарлемскій тюльпанъ» и «Золушка»; интересные ритмы и обща мелодичность упрочили за ними успѣхъ на нѣсколько лѣтъ. Бар. Шель имѣлъ обширныя связи среди театральной власти, съ артистами и виднѣйшими представителями нашего музыкальнаго міра находился въ лучшихъ отношеніяхъ, писалъ во всѣхъ формахъ—романсы, фортепьянные, скрипичныя и оркестровыя пьесы, онѣ всегда находили лучшихъ исполнителей своего времени. На невниманіе и непониманіе покойный композиторъ не могъ жаловаться; за пропаганду его сочиненій, вслѣдствіе личныхъ отношеній (говорятъ, Ф.-Ш. былъ чрезвычайно милый и любезный человѣкъ, радушный и хлѣбосольный хозяинъ, сердечный и искренній другъ и т. д.), брались гораздо охотнѣе, нежели за пропаганду его сверстниковъ и современниковъ, начиная хотя бы съ Даргомыжскаго и Мусоргскаго и кончая Чайковскимъ и Римскимъ-Корсаковымъ. Что Ф.-Ш. при такихъ благоприятныхъ условіяхъ не могъ удержать позиціи, виновать не мелкій размѣръ его таланта (послѣдній могъ бы развиться), а его дилетантское отношеніе къ своему таланту. Баронъ Фитингофъ-Шель, блестящій пианистъ школы Филда и Гензельта, былъ весьма слабымъ теоретикомъ. Всѣ сочиненія покойнаго композитора носятъ слѣды дилетантизма. Историческій интересъ представляетъ его альбомъ автографовъ; сюда внесли свои подписи и афористическія замѣтки всѣ мало-мальски выдающіеся русскіе и западно-европейскіе дѣятели по музыкѣ и театру—композиторы, драматурги, пианисты, дирижеры, вокальные знаменитости и т. д. Не менѣе интересна книжка бар. Ф.-Ш., изданная три-четыре года назадъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ—«Мировыя знаменитости»; въ книжкѣ авторъ производитъ смотръ всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ его альбомѣ. Очерки ихъ составлены довольно внимательно и объективно, скорѣе благодушно. Но и здѣсь не обошлось безъ курьеза: уязвленное авторское самолюбіе заставило Ф.-Ш. весьма несправедливо отнестись къ поступку Рубинштейна, поступку, который, наоборотъ, говоритъ только въ пользу свѣтлой личности нашего великаго учителя. Ф.-Ш. какъ-то открылъ Рубинштейну, что работаетъ надъ оперой, текстъ къ которой взять имъ изъ лермонтовскаго «Демона». Рубинштейнъ, предварительно познакоившись съ эскизами барона, внезапно объявилъ ему, что и онъ думаетъ писать оперу на тотъ же сюжетъ. Ф.-Ш., оказавшійся, такимъ образомъ, вдохновителемъ Рубинштейна, посмотрѣлъ на этотъ шагъ, однако, съ точки зрѣнія конкурренціи и никакъ не могъ простить его, несмотря на то, что рубинштейновскій «Демонъ» не имѣетъ ничего общаго съ шелевскою «Тамарою»—ни по музыкѣ, ни по сценариуму.

* * *

† А. С. Бехтѣвъ-Корсановъ. На дняхъ въ Москвѣ въ больницѣ скончался провинціальный артистъ и драматургъ А. С. Бехтѣвъ-Корсановъ. Покойный около 30 лѣтъ занималъ амплу трагика по провинціи. Одно время онъ держалъ антрепризу въ петербургскихъ клубахъ. Игралъ также на сценахъ московскихъ клубовъ. Изъ его драматическихъ сочиненій—преимущественно, переводы и передѣлки мелодрамъ—нѣкоторыя шли въ провинціи и на столичныхъ клубныхъ сценахъ, но почти ни одна его пьеса не удержалась на-долго въ репертуарѣ.

* * *

Новый театръ. Въ субботу, 15 сентября, открылся «Новый театръ», учрежденный г-жей Яворскою. И на завѣсѣ, написанномъ художникомъ Изенбергомъ въ туманно лиловыхъ тонахъ, съ надписью сверху «ars et labor», и въ рисунокѣ буквъ «Новый театръ», и во множествѣ другихъ мелочей—чувствуется, такъ сказать, стремленіе къ новизнѣ и оригинальности. Стремленіе похвальное, если въ основаніи его лежатъ дѣйствительно какіе нибудь опредѣленные художественные взгляды.

Къ сожалѣнію, я, побывавъ на двухъ спектакляхъ, рѣшительно ничего не уяснилъ себѣ въ этомъ смыслѣ. Правда, театръ открылся специально написаннымъ г-жею Щепкиною-Куперникъ стихотворнымъ прологомъ. Но и прологъ этотъ, на 16 страницахъ, предупредительно розданный публикѣ перваго представленія и написанный въ формѣ разговора «журналиста», «театрала», «писателя» и «молодой актрисы» (почему именно молодой?), мало помогаетъ дѣлу. Журналистъ восклицаетъ «еще одинъ театр!»; на такимъ образомъ, что театралъ замѣчаетъ:

Я что-то въ вашемъ тонѣ
Не слышу радости.

Могло быть и наоборотъ, т. е. что восклицаніе вышло бы изъ устъ театрала, а журналистъ сталъ бы поддерживать въ первомъ бодрость духа. Просматривая на слѣдующей день редакціи газетъ, я пришелъ къ заключенію, что г-жа Щепкина-Куперникъ дала маху, что нѣкоторая

печать разочарованія лежала на театралахъ, а никакъ не на журналистахъ, писавшихъ о новомъ театрѣ съ такимъ видомъ, словно они именины сердца праздновали.

Но возвращаясь къ прологу, какъ къ изложенію profession de foi новаго театра. «Молодая актриса» говоритъ:

И что, какъ не театръ, разбудить въ насъ мечту,
Что развивается умъ и ясное сознанье,
Что къ жизни вызоветъ любовь и доброту,
Что учить понимать къ несчастнымъ снисхожденіе,
И вѣчной правды мощь почувствовать даетъ?

Все это совершенно справедливо, но программы я здѣсь не вижу. Далѣе актриса (молодая актриса) говоритъ:

О, было съ давнихъ лѣтъ моею мечтой единой
Бороться съ пошлостью и узкою рутиной.
О, да! А та струя кипучая, живая,
Которую несетъ съ собою молодежь,
Въ своихъ сужденіяхъ свободная, огневая?
О, этой обмануть не можетъ. У нея
Свое особое и пылкое чутье.

И опять, таки я здѣсь не вижу художественной программы. Есть комплиментъ по адресу молодежи, очень чувствительной, какъ извѣстно, къ хорошимъ словамъ и охотно имъ рукоплещущей,—по строить театръ пользы ни на «струѣ кипучей, огневой», ни на «къ несчастнымъ снисхожденію». На этомъ можно строить рѣшмы—и то не важныя, что доказываетъ новое произведеніе г-жи Щепкиной-Куперникъ.

Одинъ остроумный директоръ театра, когда его какъ-то спросилъ другой директоръ: «чѣмъ же будетъ отличаться вашъ театръ?»—отвѣтилъ: «тѣмъ, что въ немъ будутъ хорошо играть». Кончилось, однако, тѣмъ, что театръ остроумнаго директора скоро прекратилъ свое существованіе. Направленіе, тонъ, характеръ театра необходимо уяснить съ самаго начала. Драма? Комедія? Мелодрама? Фарсъ? Классическій репертуаръ? Костюмно-историческій и обстановочный? Относительно театра г-жи Яворской затруднительно выразиться опредѣленно. Сначала идетъ «Буря», потомъ «Богатыя Невѣсты» Остроноскаго, въ третьихъ «Вана». Затѣмъ общіяны «Орленокъ», т. е. приторно-патріотическій вадеръ, «Quo vidis», т. е. флермъ и пр. Это тотъ же «смѣшанный репертуаръ», какъ и въ большей части существующихъ театровъ.

Замѣчу, во всякомъ случаѣ, что едвали обстановочныя пьесы на этой сценѣ дадутъ чаемые результаты: сцена мала, тѣсна, неудобна, лишена перспективныхъ плановъ. Это доказала постановка «Бури»—очень тщательная въ декоративномъ отношеніи, но не производящая впечатлѣнія. Прологъ «Бури» всегда ставится такимъ образомъ, что корабль окруженъ волнами, и видна не одна палуба, а все судно, качаемое бурей. Такая постановка, давая эффектъ бури, въ тоже время позволяетъ дѣйствующимъ лицамъ играть и говорить, тогда какъ на сценѣ «Новаго театра» вышло похоже на то, какъ будто пьяные матросы вращаются вокругъ собственнаго центра, и ни одного слова изъ того, что они говорятъ, нельзя было разобрать. Я не виню режиссера «Новаго театра»: невозможно—невозможно. Но тогда незначитъ и ставить такія пьесы, какъ «Буря», да еще для начала, т. е. какъ бы предопредѣляя все направленіе театра. «Буря»—феерія, съ прекрасными строфами, стансами и блестящею мѣстами реторикой. Никакого «символизма», на который указываютъ нѣкоторые критики, я здѣсь не вижу, и хотя саръ Монтегю и полагаетъ, что въ «Бурѣ» иносказательно изображена, будто бы, судьба театра, причѣмъ Просперо есть самъ Шекспиръ и т. п., но думается, въ этомъ не больше основанія, чѣмъ въ томъ, что «Буря» есть аллегорія потопъ.

Отмѣтивъ тщательность постановки, хорошіе костюмы и декорации, недурной балетъ, свѣтовые эффекты и пр., я долженъ сказать, во имя безпристрастія, что исполненіе «Бури» было достаточно плохо. Просперо изображалъ нѣкій г. Пономаревъ, съ очень зычнымъ голосомъ, но слишкомъ молодымъ для пожившаго, умудреннаго старика. Онъ не сдѣлалъ ни одной паузы на всемъ протяженіи пьесы и старался только о томъ, какъ бы поскорѣе отбарабанить роль. Если не считать г. Ратова, опытнаго актера, подходящаго своими внѣшними данными къ роли Калибана, но актера въ то же время суховатаго и монотоннаго, то остальные производятъ впечатлѣніе неопытныхъ любителей. Женскій персоналъ—г-жи Яворская, Морская и Арнольди—сильнѣе мужского и со своей задачей справились удовлетворительно. Костюмъ г-жи Яворской (духъ Аріэль) представлялъ нѣкоторый «sans aucun gêne», какъ говорятъ французы. Надобности въ такой откровенности я не вижу никакой, ибо все условно, когда мы изображаемъ духовъ.

Безотрадное впечатлѣніе оставила постановка «Богат-

тыхъ, невѣсть". Неужели дирекція Новаго театра полагаетъ, что съ такими актерами, какъ г. Поповъ, изображавшій генерала Гиньвышева или г. Романовскій Цыпуновъ, сладостною голосомъ напоминавшій амурчика, или г-жа Арапова можно ставить Островскаго? Въдъ это самообманъ. Говорю это съ полною откровенностью и прошу вѣрить моей искренности. „Люблю я новые театры“, и желаю процвѣтанія театру г-жи Яворской, но нужно, чтобы это было на что-нибудь похоже, а ужъ „Богатыя невѣсты“, извините меня, рѣшительно ни на что не были похожи. Да вотъ, и режиссерская часть. Ну, что это за павильонъ былъ въ „Богатыхъ невѣстахъ"? Очевидно, сдѣланъ былъ заново, а похоже на то, что пролежалъ въ подвалѣ 10 лѣтъ. Да и вѣтъ такихъ дачныхъ компанъ въ природѣ, не бываетъ. Въ то же время декорация для одноактнаго „Сфинкса“, скучнѣйшей нѣмецкой канители въ „новомъ“, якобы, „стилѣ“—превосходная, только повѣшена такъ, что торчатъ „паддуги“, и все небо кажется съ овчинку.

Я не касаюсь въ этой замѣткѣ игры г-жи Яворской. Это—артистка достаточно опредѣлившаяся. Но какъ бы поклонники ни ставили высоко манеру игры г-жи Яворской,—они не могутъ не видѣть, что Новый театръ есть не болѣе, какъ очень несовершенная, неопытными руками сфабрикованная рамка для новыхъ сценическихъ опытовъ неутомимой артистки.

Для театра нужны прежде всего актеры. Пока не поздно, и публика даритъ новый театръ своимъ вниманіемъ, слѣдуетъ озаботиться привлеченіемъ артистическихъ силъ, упрочить репертуаръ, и скорѣе вывести театръ изъ популярительскаго положенія.

Похо понов.

* * *

Панаевскій театръ. Пьеса г. Жданова „Подъ колесомъ“ прошла съ успѣхомъ на сценѣ Литературно-Художественнаго Общества. Сюжетъ этой пьесы, съ которой, кстати сказать, читатели могутъ ознакомиться изъ приложения къ нынѣшнему номеру, не новъ, но достаточно интересенъ. Пьеса написана, очевидно, подъ влияніемъ „Смерти Пазухина“ Щедрина, частью „Золота“ Вл. И. Немировича-Данченка. Нѣкоторые персонажи представляютъ довольно близкое подобіе лицъ Островскаго. Несмотря на длинноты въ первыхъ двухъ актахъ, пьеса обладаетъ драматическою выразительностью; интрига ведется съ интересомъ, а языкъ пьесы хотя и не отличается самобытностью, но ясный, точный и безыскусственный.

Кое-кто называлъ пьесу мелодрамой. Въ чтеніи она, во всякомъ случаѣ, не производитъ такого впечатлѣнія. Скорѣе ее можно упрекнуть въ томъ, что матеріалъ поданъ въ слишкомъ сыромъ видѣ, не будучи подвергнутъ предварительной переработкѣ. Психологическій анализъ отличается, правда, нѣкоторою скудостью, но нельзя усмотрѣть въ пьесѣ никакой погони за сценическимъ эффектомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Болѣе опытный и искушенный сценическихъ дѣлъ мастеръ непременно разбилъ-бы первый актъ на два, и изъ чтенія завѣщанія сдѣлалъ-бы самостоятельную сценическую картину. Г. Ждановъ—просто и въ этомъ достоинство его пьесы, равно какъ, съ извѣстной художественной точки зрѣнія, и недостатокъ.

Пьеса имѣла несомнѣнный успѣхъ, который нельзя не объяснить жизненностью содержанія. Исполненіе было весьма хорошее, и если бы г-жа Горева отрѣшилась отъ мелодраматическихъ пріемовъ, на которыхъ воспитана, то едва ли можно было-бы сдѣлать какой-либо серьезный упрекъ по адресу исполнителей.

Всѣ дѣйствія происходятъ въ одной декорации: удобство немалое. Но отъ декорации можно было-бы требовать большаго. Думается, что комнату умирающаго слѣдовало-бы показать въ болѣе отдаленной перспективѣ, и кромѣ того, съ боковъ открыть анфиладу жилыхъ комнатъ, что составило-бы своею роскошью контрастъ съ неприглядной комнатой, въ которой протекаетъ дѣйствіе. Анфилады комнатъ завелъ впервые московскій Художественный театръ, и очень хорошо сдѣлалъ.

Въ „Заза“ дебютировала новая для Петербурга артистка, г-жа Миринова, стяжавшая себѣ нѣкоторую извѣстность въ провинціи. Судить по дебюту о дарованіи артистки—трудно, исполненіе же роли Заза было лишено образности и характеристики. Г-жа Андросова, дебютировавшая въ этой роли весною, исполняетъ Заза колоритнѣе, ближе къ натурѣ и къ французскому образцу. Пока можно отмѣтить у г-жи Мириновой красивый голосъ, явственную дикцію, мягкія манеры, повидимому, скудную мимику и неумѣнье плакать.

* * *

— Новый театръ. —

М. Е. Дарскій.

Разрывъ-трава. Любовь побѣждаетъ силу. Такова тенденція новой фееріи г. Гославскаго „Разрывъ-трава“, поставленной въ минувшій вторникъ на сценѣ Народнаго дома Императора Николая II. Авторъ, впрочемъ, назвалъ свое произведеніе не фееріей, какъ слѣдовало, а драматической сказкой, что совсѣмъ мѣняетъ дѣло. Феерія—это просто пріятное для глазъ зрѣлище, не претендующее на какія либо особыя художественныя достоинства. Это не болѣе, какъ программа для режиссера. Наоборотъ, къ драматической сказкѣ необходимо предъявлять такіе же требованія, какъ и ко всякому художественному произведенію. Мнѣ даже думается, что отъ сказки нужно требовать большаго, чѣмъ отъ всякаго другого художественнаго произведенія, въ которомъ цѣнится способность автора къ анализу. Сказка должна быть прежде всего проникнута истиннымъ огнемъ поэзіи. Тенденціи здѣсь не играютъ особенной роли.

Г. Гославскій, назвавъ свое произведеніе драматической сказкой, ввелъ тѣмъ самымъ въ заблужденіе и публику, и московскихъ критиковъ, которые почти единодушно осудили пьесу. Они взглянули на нее не какъ на простое программное зрѣлище, а какъ на *художественное* драматическое произведеніе, и съ этой точки зрѣнія нашли, разумѣется много недостатковъ: риторичность и сухость изложенія, отсутствіе юмора, блѣдность и невыразительность лиризма и т. д. Довбавлю отъ себя еще, что въ произведеніи г. Гославскаго декорации, костюмы, аффектированная декламация идутъ впереди поэтическаго вдохновенія. Самые стихи, которыми написана „Разрывъ-трава“, не художественны по отдѣлкѣ и суховаты по содержанію, съ какимъ то разсудочнымъ оттѣнкомъ.

Мнѣ вообще думается, что русскій эпосъ—плохой матеріалъ для драматическаго произведенія. Эпосъ—это, до извѣстной степени, только жанръ. Поэтому онъ можетъ дать матеріалъ только для жанровой картинки, въ которой анализу и субъективному отношенію совсѣмъ не мѣсто. Г. Гославскій, напр., проводитъ въ своемъ произведеніи ту мысль, что любовь побѣждаетъ силу. Не говоря уже о томъ, что, опираясь на ту же эпическую поэзію, можно легко доказать и обратное положеніе, г. Гославскій въ сущности не сумѣлъ доказать и своего тезиса. Если внимательно вдуматься въ его произведеніе, то окажется, что силу побѣждаетъ совсѣмъ не любовь, а Баба-яга и Кашей.

Но довольно объ этомъ. Передать въ общихъ чертахъ содержаніе новаго произведенія г. Гославскаго.

Царевна Милитриса (почему не Миликтриса?) выпускаетъ изъ лука стрѣлу, причемъ заявляетъ, что тотъ, въ кого попадаетъ ея стрѣла, долженъ стать ея мужемъ. Стрѣла вонзается въ царевича Силослава, который вмѣстѣ съ отцомъ своимъ является во дворецъ Хамока (Хамокъ—не лучше ли Хамикъ?), отца Милитрисы, чтобы посватать царевну. Она

согласна выйти за него замужъ, но съ однимъ условіемъ: онъ долженъ разорить одну страну, въ которой народъ только и дѣлаетъ, что милуется да цѣдуется. Походъ Силослава, однако, оказывается неудачнымъ: дружина его вся погибаетъ, а онъ самъ попадаетъ въ полонъ. Отецъ Силослава, узнавъ объ этомъ черезъ посланника, который только одинъ спасся, впадаетъ въ отчаяніе, а мать отъ горя превращается въ плакучую иву. Милитриса же, невѣста богатыря Силослава, отрекается отъ своего жениха и даже задумываетъ захватить въ свои руки его царство, оставшееся теперь безъ защиты. Никто не думаетъ о спасеніи полоненнаго богатыря. Только одна дѣвушка-черновка Милосерка (охъ, какія прозвища!), прозванная Малкой (по созвучію—Малка Шварценкопфъ) возмущается этимъ и уговариваетъ народъ идти на помощь богатырю. И такъ какъ мольбы ея не достигаютъ цѣли, то она одна-одинешенька отправляется въ путь и, частью при помощи нечистой силы, спасаетъ богатыря. По возвращеніи его въ родную страну, здѣсь, разумѣется, встаетъ миръ и благоволеніе.

Какъ феерія, произведеніе г. Гославскаго смотрится любителями подобного рода зрѣлищъ не безъ извѣстныхъ интригъ. На сколько она подходитъ для народнаго театра, и, вообще, имѣютъ ли право гг. Сазоновъ и Алексѣевъ полагать центръ народнаго театра въ фееріи—это уже другой вопросъ. Скажу только, что на обстановку затрачено дѣйствительно много: говорятъ, около 30 тысячъ. Костюмы и декорации роскошны, хотя мѣстами и достаточно безвкусны. Яркихъ, рѣзкихъ глаза, красокъ хотѣ отбавляй, такъ что прямо рябитъ въ глазахъ. «Пукетъ» пушечъ по московски. Но цѣль, но смыслъ, но назначеніе всей этой сусальной роскоши? Но идеи, которая вынесетъ отсюда народъ?

Остается сказать нѣсколько словъ про исполнителей. Больше другихъ мнѣ понравилась г-жа Никитина (Малка). Стихи читаетъ она умѣло и не безъ настроенія. Отмѣчу еще г-жу Райдину (Милитриса) и г. Дементьева (Силославъ).

Вл. Лисскій.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОVINЦІИ.

Житомиръ. Вопреки слухамъ объ отказѣ г. Трефилова отъ аренды городского театра, открытіе сезона послѣдуетъ 1-го октября, какъ гласитъ анонсъ, извѣстною пьесой князя Сумбатова, «Темныя силы», драма въ 5 дѣйств. И. В. Шпажинскаго. (1) Какъ это понимать? Что же будетъ исполнено 1-го октября «большою» труппою (тоже выраженіе г. Трефилова) «Темныя силы» князя Сумбатова или «Темная сила» И. В. Шпажинскаго? Очень печально, что первый блинъ да вышелъ комомъ. Составъ «большой труппы» не опубликованъ.

Вновь построенный и роскошно отдѣланный, циркъ театр садъ «Аркадія» снятъ на весь зимній сезонъ баритономъ Ѳ. И. Шостакинымъ подъ оперетку. Открытіе послѣдуетъ 20-го Октября. Г. Шостакий выѣхалъ въ Москву для составленія труппы.

Кострома. Въ составъ драматической труппы подъ управленіемъ Д. А. Бѣльскаго, приглашены слѣдующіе артисты: Аненкова, А. П., Александрова, Е. Н., Буйнова, М. В., Грувинская, В. Н., Дмитріева, Т. Е., Елагина, М. И., Кузцова, Е. Ф., Михайлова, М. Н., Украинцева, А. И., Сомова, К. О., Фалѣева, Н. А., Ѳедосѣева, Л. М., Агаповъ, П. Н., Буйновъ, А. Е., Баскаковъ, Л. Г., Бернатовичъ, А. П., Вѣринъ, К. М., Глѣбовъ, П. В., Гундобинъ, Н. М., Кабановъ, Я. В., Мещеринъ, Л. Я., Николаевъ, Н. А., Орловъ, М. С., Сабуровъ, И. А., Тихановъ, Н. И., Тоскинъ, Г. Г., Худяковъ, Г. Н., Ѳоминъ, Л. О. Главный режиссеръ Д. А. Бѣльскій. Пом. режиссера—Я. Кабановъ. Суфлеръ—Н. Васильевъ. Декораторъ—Г. Омфаловъ. Открытіе сезона предполагается не позже 18 октября; пойдутъ «Таланты и поклонники». Къ постановкѣ предназначено болѣе тридцати пьесъ. При трехъ спектакляхъ въ недѣлю, одинъ, по пятницамъ, будетъ ставиться по значительно удешевленнымъ (на половину) цѣнамъ—репертуаръ классическій.

Кривой Рогъ. Съ 1-го октября 1901 г. въ м. Кривой Рогъ (Херсонской губ.) начнутся первые спектакли товарищества драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ Ф. Ф. Измайлова-Боярскаго. Составъ труппы: г-жи В. А. Измайлова (ingénue dram.), М. В. Свѣжина (ing. com.), О. М. Бронина (комич. стар.), Д. Е. Старова (вторыя роли), С. П. Ларина (водевильная), гг. А. Г. Санъ-Галли (любовникъ), М. Г. Дмитріевъ (комикъ), В. З. Бороздинъ (резонеръ), Я. Ф. Можайскій (проstackъ) И. С. Дружининъ (вторыя роли), Ф. Ф. Измайловъ-Боярскій (2-й любовникъ), А. Н. Ланской (резонеръ), Т. С. Судьбиновъ, А. Л. Вербинъ (вторыя роли). Для перваго спектакля предполагается пьеса «Принцесса Грева». Слѣдующими будутъ: «Цѣна жизни», «Оболтусы-вѣтрогоны», «Блуждающіе огни», «Аркановы», «Соколы и вороны» и пр. Иаъ. новинокъ предполагаютъ поставить: «Михаэль Крамеръ», «Фрей-

лина», «Три сестры», «Замѣстительницы», «Потемки души», «Малка Шварценкопфъ» и пр. Сезонъ продолжится до февраля мѣсяца.

Кіевъ. Въ театрѣ «Бергонье» 15 сентября открылись спектакли русской оперетки Н. Шульца и Новикова. Въ составъ труппы вошли г-жи Никитина, Вергина-Мотылева, Романова Делормъ; гг. Блюменталь-Тамаринъ, Рутковский, Бураковский, Михайловъ, Ландратъ, Громовскій и др.

Открылся сезонъ и въ театрѣ Коммерческаго собранія. Игруютъ здѣсь малороссы подъ управл. П. И. Лукашевича и режиссеръ всмъ артиста Ѳ. Свѣтлова.

8 Сентября начались спектакли въ желѣзнодорожномъ театрѣ. До сихъ поръ прошли пьесы: «Бѣшенныя деньги», «Послѣдняя жертва», «Пѣснь горя» и «Вольная птичка».

16 сентября открылся Народный театръ на Подолѣ (Контрактовый домъ) Устройство спектаклей принялъ на себя А. А. Прейсъ-Александровъ. Въ труппу вошли г-жи Романовская, Юрьева, Вельская, Потапенко, Волгина; гг. Канарскій, Александровъ. Мирскій, Соломинъ, Барш.хъ, Григорьднъ, Чужбиновъ, Щенкинъ и др. Спектакли даются три раза въ недѣлю. Для открытія 16 сентября шелъ «Ревизоръ».

Тюмень. По словамъ «Сиб. В.», постановка «Контрабандистовъ» здѣсь сопровождалась курьезными предосторожностями. Разрѣшеніе на постановку пьесы было дано съ указаніемъ н обходимости усиленнаго наряда полиціи, на 40 человѣкъ болѣе... чѣмъ въ обыкновенное время. Весь курьезъ настоящаго приговоренія заключался въ томъ, что въ Тюмени проживаетъ всего-то 29 еврейскихъ семействъ, съ численнымъ составомъ до 100 душъ, изъ которыхъ большая часть — дѣти, женщины и старики...

Красноярскъ. На постройку народнаго дома уже собрано по подпискѣ и со спектаклей и вечеровъ 11,741 р. 28 к.

Рига. Приводимъ полный составъ драматической труппы русскаго театра. Женскій персоналъ: г-жи Саблина-Дольская, Караванова, Барканова, Пивоварова, Славичъ—на роли комическихъ старухъ. Кромѣ того участвуютъ въ труппѣ г-жа Мравина, выступавшая въ прошломъ году, и другія.

Мужской персоналъ: Гг. Судьбинскій, Никольскій, Федоровъ, Шмидтгофъ 1-й, Шмидтгофъ 2-й, Сверчковъ, Алексинъ. Кромѣ того участвуютъ въ труппѣ г. Полетаевъ, уже знакомый Ригѣ, и другіе.

Харьковъ. 16-го сентября при полномъ сборѣ состоялось открытіе зимняго сезона въ драматическомъ театрѣ. Комедія Островскаго «Доходное мѣсто», по словамъ газетъ, прошла съ ансамблемъ. Дебютанты — г-жи: Миличъ, Черкасова, гг. Карамазовъ, Кригеръ — повидимому, понравились публикѣ. Особенный успѣхъ выпалъ на долю г. Карамазова и г-жи Черкасовой.

Таганрогъ-Нахичевань. Сезонъ въ таганрогскомъ зимнемъ театрѣ начнется 28 сентября. Въ Нахичевани открытіе назначено на 30 сентября. Въ обоихъ городахъ антрепренеръ драматической труппы г. Струйскій намѣренъ начать спектакли одной и той же пьесой. Въ Таганрогѣ представленія будутъ происходить по воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ; въ Нахичевани — по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ.

Казань. Г. Соболевскому-Самарину разрѣшена постановка «Купца Калашникова».

Кишиневъ. Сезонъ драматическихъ спектаклей открытъ 16 сентября. Составъ труппы у насъ уже сообщался. Черезъ 2 1/2 мѣсяца начнутся оперныя спектакли.

Саратовъ. Для народныхъ спектаклей на зиму предполагается снятъ «Приволжскій» вокзалъ, сдѣлавъ зрительный залъ теплымъ и вообще пригоднымъ для зимнихъ спектаклей.

Тифлисъ. Оперный сезонъ открылся 15 сентября оперой «Жизнь за царя». Новыми для Тифлиса исполнителями были г-жи Гушина (Антонида) и Михайлова (Ваня). Обѣ артистки имѣли успѣхъ.

Шуша. Товарищество армянскихъ драм. артистовъ, подъ упр. Араксина, дало за лѣто 22 спектакля. Валовой сборъ 3526 р. 49 к. Расходъ—1386 р. 49 к.

Елецъ. Труппа драматическихъ артистовъ, подъ упр. П. А. Соколова-Жамсона. Составъ: г-жи Н. А. Поморская, М. Г. Симена-Тонская, М. А. Соколова, Ю. В. Варичева, З. Е. Евгеньева, О. И. Петрова, А. Н. Скабичевъ, Е. А. Холмска, Е. И. Трузе, А. А. Арбенина, П. И. Аркадьева, гг. С. А. Катарскій, Л. М. Чаровъ-Собиновъ, И. Н. Некрашъ, А. В. Васильевъ, П. А. Соколовъ-Жамсонъ, А. А. Гаринъ, П. П. Ефимовъ, Э. Р. Молевскій, А. А. Соколовъ, К. Г. Снегиревъ, Н. А. Аркадьевъ, П. Д. Лаухинъ. Открытіе 23 сентября.

Рязань. Общество устройсва народныхъ развлеченій постановило приступить теперь же къ постройкѣ новаго лѣтняго театра взаменъ сгорѣвшаго 16 августа. Постройка обойдется въ 12—15 тыс. руб. Въ настоящее время Общество располагаетъ только 12-ю тысячами руб., почему рѣшено обратиться въ комитетъ попечительства о народной трезвости и въ министерство финансовъ съ просьбой объ единовременномъ пособіи на постройку театра въ 10 т. руб. и объ ежегодномъ субсидированіи 2-хъ—3-хъ т. р., и въ случаѣ бла-

гонимого исхода такого ходатайства—построить театр больше обширный.

Орель. Составъ труппы дирекціи С. И. Томскаго. Г-жи: Кони-Стрѣльская, Лярова, Новикова-Иванова, Сильвина-Томская, Болычевцева, Иконникова, Луганова, Владиславская, Лѣсновская, Морозова, Дубровина. Гг. Башкировъ, Григорьевъ, Ѳедотовъ, Томскій, Травинскій, Путята, Краевъ, Стрепетовъ, Новиковъ, Горбуновъ, Мухинъ; Режиссеръ С. И. Томскій, вице (?) режиссеръ г. Шухминъ, суфлеръ г. Дубровинъ, декораторъ г. Суховаровъ, помощникъ режиссера и суфлера г-нъ Загорскій, костюмеръ г. Федоровичъ, бутафоръ г. Рынинъ, духовой оркестръ 51 Черниговскаго драгунскаго полка, капельмейстеръ г. Шорфъ, парики и прически г. Рауль. Машинисты: сцены—г. Камаевъ, электрическаго и эффектовъ г. Бѣлолицевъ. Открытіе сезона 20 сентября, для перваго спектакля будетъ поставлено «Школьные товарищи», дальше обѣщаны: «Замѣстительницы», «Два міра», Петръ Великій. «Принцесса Греза», «Смерть Агрипины», «Три Сестры», «Мелка Сошка», «Независимые» и т. д.

Милочка.

Какъ ни устарѣло сравненіе глазъ со звѣздами, ни съ чѣмъ другимъ нельзя было сравнить ея большіе темнокаріе глаза, они горѣли, меркали, ярко свѣтились, таинственно странно мерцали изъ-за густыхъ, темныхъ рѣсницъ. Порою они казались такими близкими, доступными, порою недостижимо далекими, невозмутимо равнодушными, чуждыми всего, что творилось кругомъ, и лучше всѣхъ она сама знала красоту и могущество своихъ глазъ. Оставалась одна, она садилась передъ зеркаломъ, подпирала голову руками и пристально смотрѣла себѣ въ глаза. Мала-по-малу взоръ ея уходилъ какъ бы внутрь, выраженіе его становилось загадочно-мистическимъ, точно она сама себѣ заглядывала въ душу черезъ это „зеркало души“. Порою ей самой дѣлалось жутко отъ этихъ странныхъ глазъ, глядѣвшихъ на нее изъ зеркала, она мѣняла пову, начинала улыбаться и уже любовалась своимъ ртомъ, большимъ, но съ свѣжими, яркими губами, обнажавшими крѣпкіе, ровные, бѣлые зубы. Ей нравились ея волосы, густые, тяжелые, сбѣгавшіе на низкій лобъ непокорными, темными волнами. Она сознавала, что носъ ея немного великъ и не вполне правильной формы, но за то щеки ея, покрытыя, какъ персикъ, густымъ пушкомъ, рѣзко очерченныя брови и весь овалъ смуглаго личика составляли красивое и пикантное общее.

Она нравилась самой себѣ и умѣла нравиться тѣмъ, кому хотѣла, а главное, — умѣла безошибочно дѣйствовать на нервы мужчинъ: съ нею всѣ вѣчно дурчились, хототали, возлились и, считая ее замѣчательно доступною, съ удивленіемъ замѣчали, въ

концѣ концовъ, какъ ловко она дѣлала всѣхъ и какъ собственно малымъ жертвовала она для того, чтобы временно одурманивать ихъ и дѣлать своими поклонниками.

Поклонники ей были нужны, потому что она была артистка. Звали ее Мила Георгіевна Свѣтлова...

Что такое было „Мила“? Сокращеніе Людмилы или Эмили, или это было ласковое прозвище, удержанное ею съ дѣтства,—никто не зналъ, какъ не зналъ никто, какой она была національности и вѣры. Она совершенно серьезно считала себя малороссіянкой и православной на томъ основаніи, что мать ея была полька, отецъ нѣмецъ, но родилась она на югѣ Россіи, въ такомъ городишкѣ, гдѣ не было ни ксендза, ни патера, и, пользуясь сильной болѣзнью ея матери, акушерка, принимавшая ребенка, отнесла ее въ церковь, гдѣ деревенскій православный попъ и окрестилъ ее. Лично ее не беспокоила никакая религія, никто не научилъ ее никакой, отъ роду не посѣщала она никогда церкви, никогда она не бывала на исповѣди и въ 17-тъ лѣтъ, потерявъ и отца, и мать, обѣхавъ полъ Россіи, переходя отъ однихъ родныхъ къ другимъ, перекидывавшихъ ее другъ другу, какъ никому ненужное наслѣдіе нелѣпаго родства, она, наконецъ, полюбивъ какъ-то актера, очутилась подъ его фамиліей на правахъ гражданской жены на подмосткахъ провинціального театра въ качествѣ ingenue-comique.

Вѣроятно, у нея былъ какой-нибудь видъ, какія-нибудь официальные бумаги, по которымъ она заключала свои театральные контракты, но изъ всѣхъ ея знакомыхъ никто ихъ не видалъ и не читалъ, всѣ довольствовались тѣмъ, что на афишѣ она значилась Свѣтлова, а въ интимныхъ кружкахъ, благодаря ея чернымъ, непокорнымъ косамъ, загадочнымъ глазамъ и смуглому цвѣту лица, ее, шути, прозвали: „Цыганскій затеряшка“.

И среди людей, составляющихъ общество, имѣющихъ семью, родину, цензъ, свой неоспоримый, документальный „языкъ личности“, проживавъ „цыганскій затеряшка“, — язычникъ, безродный, безбашный, безустойный ребенокъ, прикрытый театральнымъ псевдонимомъ, опирающійся на званіе артистки такого-то театра.

... Весеннее солнце свѣтило во всю, улицы были залиты яркими лучами, въ открытыя окна властно врывались снопы свѣта, въ скважины спущенныхъ портьеръ и драпировокъ оно вползало золотомъ ниточкой и, ломаясь, ложилось, играло по всѣмъ направленіямъ; зеркала, получивъ солнечный поцѣлуй, выпускали „зайчиковъ“, которые прыгали по стѣнамъ, а „цыганскій затеряшка“, смуглый язычникъ, ingenue-comique театра г. Славскаго въ городѣ N.,—m-lle Мила Свѣтлова, спала на широкой турецкой отоманкѣ, подперши двумя коричневыми лапками свою курчавую голову и по совѣсти считала день ночью, потому что единственное окно ея небольшой комнаты было герметически завѣшано толстымъ персидскимъ ковромъ. Такой же коверъ сплошь покрывалъ полъ, такіе же ковры были на стѣнахъ и, кромѣ большой отоманки, на которой было постлано бѣлье, большого зеркала и кучи шелковыхъ подушекъ по угламъ, въ комнатѣ ничего не было; рядомъ, въ крошечной уборной былъ вбитъ рядъ гвоздей, и на нихъ безжизненно, какъ трупы казненныхъ преступниковъ, висѣли ея платья, стоялъ деревянный некрашеный табуретъ съ большимъ голубымъ тазомъ и пугатымъ кувшиномъ воды, затѣмъ задрапированный пестрымъ кашемиромъ столъ съ большимъ створчатымъ зеркаломъ и цѣлымъ взводомъ таинственныхъ банокъ, пугырьковъ, коробокъ, съ арсеналомъ зайчихъ лапъ, затертыхъ румянами и пудрой, гребенокъ, щетокъ, пухо-

вокъ, карандашей и другихъ необходимыхъ спутниковъ всякой артистической карьеры. Тутъ же, на окнѣ и на полу, стояли пустыя бутылки изъ-подъ шампанскаго и вина, открытыя коробки конфетъ.

На стѣнахъ, какъ пойманные за ухо школьники, висѣли лавровыя вѣнки, болтавъ лентами розовыми, красными, желтыми, съ золочеными надписями, не всегда грамотно гласившими, что все это данъ удивительному, симпатичному и блестящему таланту несравненной артистки Милы Свѣтловой.

Солнце давно уже хозяйничало въ этой комнатѣ, грѣло до окиси вино въ бутылкахъ, топило конфеты, а проникнуть въ слѣдующую комнату сквозь ковровую портьеру не могло, и „цыганскій затеряшка“ спалъ, какъ сурокъ.

Утренняя репетиція, назначенная на 11 час. въ N театрѣ, не началась еще и въ два. Антрепренеръ, онъ же и режиссеръ, маленькій, черненькій грекъ. Озлопудло, по театру Славскій, бѣгалъ по сценѣ, теребилъ свои курчавые волосы и, сверкая черненькими, хитрыми глазками, ругался, сзывалъ актеровъ и клялся, что плюнетъ и броситъ все дѣло. Довольно большой театръ утопалъ въ сѣрой мглѣ, въ двухъ ближайшихъ къ сценѣ ложахъ сидѣли незанятые актрисы, двѣ-три театральныя маленьки, и вели свои мирныя бесѣды, вертѣвшіяся въ интересахъ хозяйственнаго гроша; на сценѣ горѣлъ огненными язычками газъ, выбиваясь изъ дырочекъ какого-то аппарата, похожаго на ломанную кочергу; суфлеръ апатично сидѣлъ спиной къ партеру за бѣлымъ столомъ и курилъ, передъ нимъ лежала тетрадка съ надписью „Сорванецъ“. Двѣ актрисы, изображавшія сестеръ „Боби“, „генераль“, „Акулька“, *grande-dame*, княгиня, мать Боби — всѣ были въ сборѣ и, еле причесанные, закутанные въ пальто, въ старыя шали и теплые платки, слонялись по сценѣ, курили и всѣ въ голосъ грозились уйти, если вотъ сейчасъ-сейчасъ не явится на репетицію „Сорванецъ“, т. е. Свѣтлова, сладко спавшая въ своей ковровой комнатѣ.

— Господа, Быховцевъ здѣсь, смотрите!—вдругъ взглянувъшій попотомъ сообщила *grande-dame*, двѣ другія актрисы бросились къ рампѣ; въ крайнюю ложу направо, абонированную на весь сезонъ семейю богатаго помѣщика Быховцева, входилъ онъ самъ и, сѣвъ на переднее кресло, сталъ зорко глядѣть на сцену.

— Ищеть Свѣтлову...—волновалась *grande-dame*, — вѣдь, этакъ вторился! не только спектаклей не пропускаетъ, выпросилъ себѣ у антрепренера позволенія являться на репетицію!

— А она-то, она-то надъ нимъ ломается,—говорятъ, это онъ ей всю комнату персидскими коврами убралъ; а она не принимаетъ его даже у себя!—тараторила безцвѣтная, бѣлокурая, малокровная Мерцалова, вторая *ingenue-comique*.

— И знаете, подъ какимъ предлогомъ отказала ему? пѣвучимъ голосомъ подхватила недурненькая

штенка, съ вздернутымъ носомъ, Радугина, водевильная съ пѣніемъ.—Это было при мнѣ: онъ вотъ здѣсь, на сценѣ, третій день приноситъ ей букетъ и спрашиваетъ... а я стояла тутъ же, букетъ нюхала, все резеда и розы, — понимаете?— „Когда, — говорить, — вы позволите мнѣ, m-lle Свѣтлова, быть у васъ на новосельѣ“, — а она ему:

— „Вамъ? не могу позволить! Вѣдь вы знаете,

что я мебели у себя не признаю, — сидѣть на отоманкѣ, на которой сплю, — я не позволю, а на полу, на подушкахъ, — вамъ? Это „неприлично“, вы такой большой и „корректный господинъ“. — Онъ знаетъ, такъ криво засмѣялся и говоритъ: „Подождемъ, когда ваши вкусы изменятся, и вы позволите прислать вамъ кресло, чтобы и корректные люди имѣли къ вамъ доступъ“. — А она:

— „Я, говорить, уведомлю васъ, когда это произойдетъ“—... Вотъ, вѣдь, дрянъ какая, хоть бы спасибо ему сказала.

— „Ну-съ, *bonjour* за вниманіе! — пропѣлъ Любарскій, высокій блондинъ, полный, съ красными пятнами вмѣсто бровей, весь розовый, какъ малосольная ветчина, — я ждать больше не намѣренъ! Славскій, я ухожу! Славскій, прозванный актерами Громобоемъ, заволновался:

— Пойдите, пойдите, вѣдь нельзя же, я..

Въ это время гдѣ-то за ложами раздался взрывъ молодого, веселаго смѣха. Быховцевъ вздрогнулъ, подался назадъ, почувствовавъ, что его лицо, желтоватаго брютета, вспыхнуло...

Славскій, прервавъ свою гнѣвную рѣчь, шель на голосъ, и на его просвѣтлѣвшей фizioноміи уже обрисовалась сладенькая улыбка: такую балованную и любимую городомъ артистку можно было разносить только за глаза. Весна уже вступила въ свои права, спектакли шли вяло, и репертуаръ держался одною Свѣтловой, надо было дотянуть безъ ссоры.

На сцену влетѣла Свѣтлова:

Я пришла къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало...

... Разсказать, что я прошу прощенья, что безсовѣстно заспалась!—и Свѣтлова вертѣла *grande-dame*, цѣлуя ее за каждую фразой и изподлобья зорко наблюдала за ложей, въ которой сидѣлъ Быховцевъ.

— Репетируйте, репетируйте, господа, какъ не стыдно такъ терять время!—и Свѣтлова, поздоровавшись со всѣми, не давая никому вымолвить ей слова укоризны, повела репетицію, и вскорѣ всѣ подтянулись: надутыя лица прояснились, суфлеръ подавалъ добросовѣстно, и театральная машина пошла въ ходъ.

— Могу я, m-lle Мила, проводить васъ до дому?—услышала Свѣтлова и остановилась среди группы своихъ товарищей. Быховцевъ ждалъ ее около кассы, гдѣ она только что брала нѣсколько контрамарокъ; актеры, выходившіе вмѣстѣ съ нею съ репетиции, съ любопытствомъ насторожились: всѣ знали упря-

Новый театръ.

Л. Б. Яворская.

мое, долгое ухаживанье мѣстнаго богача и такое же упрямое, злобное сопротивленіе Милы.

— Проводить? для прогулки слишкомъ жарко.

— Моя лошадь у подвѣзда...

— Ыхать съ вами? въ такомъ туалетѣ?—она взяла пальчиками свой широкій, сѣрый, дѣйствительно, старенькій ватерпруфъ, растянула полы въ обѣ стороны, быстро завертѣлась и, раздувъ ихъ, какъ палатку, присѣла въ граціозномъ реверансѣ.—Неудобно! Впрочемъ, если вы позволите мнѣ воспользоваться половиной великолѣпія, т. е. вашимъ экипажемъ, безъ вашего соучастія, то я и...—она потащила за рукавъ grande-dame Акулову,—мы съ удовольствиемъ воспользуемся вашей любезностью.

— Мнѣ остается сожалѣть, что я не въ коляскѣ и не могу быть спутникомъ васъ обѣихъ, mesdames, но, какъ говорить in-lle Мила, та половина в-ликолѣпія, которую вы предпочитаете, т. е. мой экипажъ, къ вашимъ услугамъ и, приподнявъ шляпу, снѣгъ прошелъ мимо актеровъ, на крыльцѣ крикнулъ своему кучеру подавать, посадилъ обѣихъ актрисъ, еще разъ поклонился имъ и пошелъ пѣшкомъ.

— Ну и дрессированъ!—расхохоталась Акулова, подталкивая Милу локтемъ,—зашагалъ пѣшкомъ... Дрессированъ!

— На свободѣ, другъ мой! Это и есть высшая школа,—въ лицѣ Свѣтловой мелькнула злая улыбка,—ни лаской, ни кротостью, ни любовью, ни мольбами такого господина возлѣ себя не удержишь, а а вотъ такъ, всегда хлыстъ вверхъ, и будетъ ходить на заднихъ лапкахъ.

— Будетъ, коли влюбленъ!

— Да вѣдь только до тѣхъ поръ и влюбленъ, пока добивается, а добьется—и скажетъ: такая же, какъ всѣ, не стоило и хлопотать! Потому что вѣдь это не любовь, не привязанность; это озорство, хочу, молъ! ну, а я сама съ рогами, не хочу да и только.

— Ну, а почему не хочу? Что онъ тебѣ противенъ, что ли?

— Противенъ именно.

— Съ офицерами-то кутить лучше что-ли, тѣ и дюжины перчатокъ не поднесутъ?

— И не надо,—за то и весело! пьемъ, жженку варимъ, послѣ пляшемъ, уѣзжая съ зарею, чтобы освѣжить лицо и руки, шампанскимъ моемся...

— Что за свинство... шампанскимъ мыться!

— И горжусь... дворянинъ! Ничего не жалко!

Акулова разсмѣялась: это была нелѣпная поговорка: „Дворянинъ и горжусь!“ которую этотъ сезонъ Мила пустила въ ходъ, и всѣ подхватили, повторяя ее кстати и некстати.

— Ну, и мойся шампанскимъ, и гордись!.. А вонъ Жаровъ съ голоду умираетъ...

— Какъ Жаровъ!? Какъ съ голоду?!

Все оживленіе Милы сразу упало, глаза ея широко раскрылись, она вся повернулась къ Акуловой.

— А такъ—Жаровъ, а такъ—умираетъ... Чахотка у него, кровью харкаетъ, съ голоса спалъ, играть не можетъ, какъ начнетъ громко говорить, такъ и закашляетъ... ну, и сидитъ безъ дѣла... нашъ Громобой даромъ жалованья платить не станетъ... Ты вѣдь какъ отыграла, такъ прыгъ въ ближайшую тройку и слѣдъ простылъ—на репетицію вихремъ влетаешь, а на спектакль одной рукой гримируешься, другой одѣваешься, такъ ты развѣ что знаешь? Ты отъ насъ совсѣмъ отбилась...

— Сашка Жаровъ! Въ воображеніи Милы такъ и стоялъ веселый, ласковый, молодой актеръ... Она съ нимъ начинала въ Казани, онъ никогда не подводилъ ее, напротивъ, сколько разъ вытягивалъ... Свѣтлова знала, что нравилась ему, у нихъ начинался какой-то очень идеальный романъ, но вотъ такъ же

сезонъ кончился, и судьба разбросала ихъ... И теперь они встрѣтились, какъ друзья... Сашка хотя сильно псхуфѣлъ и поистрепался, былъ все тотъ же красавецъ, съ сѣро-синими, длинными глазами, но съ нимъ была какая-то еврейскаго типа брюнетка, говорили жена; потомъ Жаровъ исчезъ изъ театра, Мила слышала, что онъ, что-то нездоровъ и не придала этому никакого значенія,—закутилась, какъ сознавалась сама, ей казалось, что Жаровъ уѣхалъ въ другую труппу, а онъ боленъ... умираетъ... и она громко сказала:

— Да не можетъ быть! А его жена гдѣ же?

— Хватилась! Да та его бросила еще въ концѣ октября, какъ только доктора запретили ему играть, она и уѣхала въ Харьковъ, тамъ у ней свои друзья есть, вѣдь она тоже играетъ, не терять же ей сезонъ изъ-за него; да и не жена она ему, а такъ—подруга, ея мужъ, Малковъ, режиссеромъ въ Твери былъ, помнишь? а жена Жарова, Дарская, блондинка, одинъ годъ съ нами горничныхъ играла въ Вяткѣ.

— Эй, толстый господинъ,—обратилась она къ кучеру,—куда изволите насъ везти?

Кучеръ попробовалъ было повернуть свою жирную шею, но складка на затылкѣ налилась только кровью:

— Мнѣ не сказано, куда ѣхать, баринъ приказалъ только: пошелъ—я думалъ кататься изволите!

— Кататься! Ахъ, эфіопъ! Мы съ голоду умираемъ, а онъ кататься!.. Ко мнѣ домой... не первый разъ везешь, поварачивай!

Мила вынула портмонеъ, взглянула въ него и озабоченно сдвинула брови.

— Ну, не свинья ли этотъ Быховцевъ, всегда подведетъ меня! Любой изъ лихачей свезъ бы меня домой за полтинникъ, а эфіопу я никогда не даю меньше рубля.

— Вотъ выдумала! Я бы гроша не дала, не все ли равно ему съ кѣмъ ѣздить, лошадь-то хозяйская...

— Ты бы ничего не дала, а Любарскій еще сумѣлъ бы у него занять рубль... „у всякаго свой вкусъ“—сказалъ аистъ, глотая лягушку... Ну, пріѣхали, эфіопъ, получайте!—она протянула ему рубль,—и будьте здоровы!..

На этотъ разъ кучеру удалось-таки повернуться, и вся его красная рожа освѣтилась добродушной улыбкой: ему очень нравилась молоденькая, хорошенькая актриса, всегда веселая, щедрая, ласковая даже въ своихъ прозвищахъ.

— Зайдешь, что ли,—обратилась она къ Акуловой,—у меня есть конфеты, вино, сардинки..

— Нѣтъ, Милочка, меня ждетъ мужъ...

— Ахъ, да, мужъ... Мила чуть не расхохоталась, потому что у Акуловой были даже полусезонные мужья... Ну, до свиданія! и она исчезла за своей дверью.

Н. Лухманова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За границей.

Корреспондентъ «Нов. Вр.» описываетъ парижскій театръ «Grand Guignol». Въ переводѣ на русскій языкъ это означаетъ балаганнаго «Петрушку», но только «Петрушку» для взрослыхъ. Но, конечно, этотъ театръ ничего общаго съ уличнымъ «Петрушкой» не имѣетъ. Это чисто литературное учрежденіе. Помѣщеніе крохотное. По первому впечатлѣнію кажется, будто вы попали на какой-нибудь большой домашній спектакль. Здѣсь бываетъ почти исключительно избранная интеллигентная публика, и, несмотря на значительныя цѣны, театръ не пустуетъ даже въ такую жару, какая виситъ лѣтомъ надъ Парижемъ. Поставить здѣсь свою пьесу не такъ-то легко, и молодые авторы, успѣвшіе въ этомъ, считаютъ себя въ солидномъ литературномъ выигрышѣ. Пьесы всегда маленькія, по одному акту, и дается такихъ пьесъ, весьма различныхъ по содержанию и характеру, четыре и пять въ одинъ вечеръ. Какъ и все теперь въ современномъ искусствѣ, это не прежнія обширныя, усиленно писанныя картины съ извѣстной ярко выраженной идеей и строго развѣренной моралью, но скорѣе краткіе этюды съ натуры, какъ она есть, безъ особыхъ поучительныхъ намѣреній и эстетическихъ прикрасъ. Особенно характерна въ этомъ отношеніи пьеса Октава Мирбо «Amants».

Сюжета собственно никакого, и потому эту пьесу почти невозможно «разсказать своими словами». Довольно лубочно изображенный садъ. Входитъ господинъ во фракѣ и объясняетъ публикѣ, что дѣйствіе происходитъ въ чудномъ паркѣ. Описавъ въ изысканнѣйшихъ выраженіяхъ, почти стихами, прелесть природы и лѣтняго вечера, онъ вдругъ дѣловымъ тономъ, похлопавъ рукою по скамьѣ справа, говоритъ: «Вотъ здѣсь каждый такой вечеръ сидитъ парочка влюбленныхъ и бесѣдуютъ... Вы сейчасъ сами ихъ увидите и услышите...» и уходитъ. Являются влюбленные. Она въ роскошномъ вечернемъ платьѣ, онъ въ смокингѣ и тщательно прилизанъ. Молча пересѣкаютъ они сцену, затѣмъ она опускается на диванъ, а онъ становится сзади и начинается:

— Вотъ уже три мѣсяца, мы приходимъ сюда каждый вечеръ, всегда вдвоемъ, далеке отъ міра, счастливые...

Ей попросту скучно, но хочется отыскать другой, болѣе интересный предлогъ для своей развѣянности, и потому она послѣ нѣкоторыхъ ломаній и вздоховъ заявляетъ, что она страдаетъ. Любовникъ отлично видитъ ея игру; но говоритъ:

— Скажите же причину вашихъ страданій мнѣ, вашему другу!

Часть отъ часу не легче. Извольте-ка теперь искать еще и причину!.. Она переходитъ сцену, падаетъ на другую скамью и начинаетъ всхлипать. Слезы кончаются въ такихъ случаяхъ неизбѣжной фразой: «Вы меня больше не любите...» Любовникъ съ наосомъ отступаетъ шага два назадъ, хватается обѣими руками за грудь и восклицаетъ:

— Я не люблю? Я! О-о!..

Новая комедія. Требуются доказательства такого ужаснаго предположенія. Медленно, подыскивая слова, она начинаетъ перечислять его вину:

— Сегодня утромъ мнѣ такъ было тяжело... Я думала о смерти... И вы этого не замѣтили... Ну совершенно не замѣтили.

Онъ удивленъ.

— Вы сегодня думали о смерти? И я этого не замѣтилъ?! Но, моя дорогая, вы были сегодня весь день очень веселы и довольны.

— Я притворялась.

— Ну, позвольте! Ужъ я-то знаю, когда вы притворяетесь и когда нѣтъ.

Уличенная во лжи здѣсь, она ищетъ другихъ выходовъ. Остальная часть пьесы въ такомъ же родѣ.

Гораздо сильнѣе, содержательнѣе и проще сдѣлана пьеса гг. Ральфа и Метенье «Son poteau!» Персонажи дикіе, страсти низменные, но удивительно, какъ много движенія могли дать и какую сложную исторію успѣли авторы развернуть передъ зрителями въ продолженіе одного только акта, нисколько не ослабляя сценическаго впечатлѣнія излишними разговорами. Лина, кокетка «средней величины», живетъ недурно: у нея своя хорошая квартира, есть и драгоцѣнности; особенно гордится она дорогимъ колье, подареннымъ ей однимъ изъ особенно тароватыхъ друзей. Въ этотъ вечеръ, какъ обычно, она поѣхала куда-то на свиданіе; но такъ какъ свиданіе почему-то не удалось, то скоро вернулась обратно. Отославъ горничную и приготовляясь ко сну, она вдругъ замѣчаетъ, что она не одна въ спальнѣ, что кто-то спрятался за портьерой. Дѣйствительно, черезъ мгновеніе оттуда выскакиваетъ какой-то подозрительный субъектъ и, угрожая ножомъ, требуетъ драгоцѣнностей. Это Жюло, любовникъ ея горничной, пробравшійся сюда украдкой отъ подруги. Однако барыня не растерялась. Подъ предлогомъ достать колье, она открыла шкафчикъ возлѣ кровати и вынула оттуда заряженный револьверъ. Ночной бандитъ обезкураженъ. Барыня торжествуетъ. Между ними завязывается разговоръ, изъ котораго оказывается, что оба они были когда-то дружны съ однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, носившимъ имя «Жоржа Большого». Дѣло въ томъ, что Лина недавно достигла своего «положенія» въ полусвѣтѣ. Раньше она была уличной бродяжкой, и Жоржъ Большой былъ ея «котомъ». Года два тому назадъ его забрали въ солдаты въ Алжирѣ. Тамъ онъ познакомился и подружился съ Жюло. Объ этомъ послѣднемъ фактѣ Лина до сихъ поръ не знала. До нея дошли слухи, что по приказанію капрала Жоржъ за какую-то вину былъ разстрѣлянъ. Понятно, что Лина теперь обрадовалась знакомству съ Жюло. Она искренно любила Жоржа, вѣрила всегда его невинности и мечтала отомстить капралу. Она спрашиваетъ имя убійцы и получаетъ въ отвѣтъ:

— Не стоитъ узнавать... Поздно!.. Жоржъ уже отомщенъ; капраль убитъ.

— Кѣмъ?!

— Мною.

Револьверъ летитъ въ сторону. Она бросается къ своему мрачному гостю, какъ къ другу, хватая его за руки и проситъ «подробно-подробно» разсказать ей обо этомъ. Жюло садится на кровать и начинаетъ разсказывать. Сначала онъ описываетъ ужасную жизнь въ Алжирскомъ полку, «среди безводной пустыни, подъ свинцовымъ солнцемъ, безъ людей кругомъ». Солдаты озвѣрѣли конечно, и такъ какъ нельзя же человѣку существовать безъ развлеченій, то стали пить и играть въ карты. Особенно сильно пилъ и игралъ Жоржъ: «Онъ очень скучалъ по тебѣ... За игру онъ былъ жестоко

наказанъ капраломъ и въ отместку оскорбилъ его. Въ результатъ—смертная казнь... Жюло потомъ удавилъ этого капрала, «какъ дрянную собаку». Жюло разсказываетъ о своей мести необыкновенно подробно, съ особеннымъ наслаждениемъ, но съ еще большимъ наслаждениемъ слушаетъ его Лина. Она прилегла возлѣ него на кровать и проситъ все новыхъ и новыхъ подробностей. Ихъ глаза сверкаютъ, щеки горятъ; это уже не люди передъ зрителемъ, но два звѣря, объединенныхъ кровною мстью и глубоко убѣжденныхъ въ томъ, что это очень хорошо, что такъ и долженъ дѣйствовать порядочный человекъ. Лина любитъ этимъ новымъ для нея героемъ. Собственно Жоржъ, мертвецъ, уже забытъ...

Разбуженная шумомъ и подозревая что-то неладное, горничная вбѣгаетъ въ комнату барыни и видитъ ее въ объятіяхъ своего любовника! Сцена недоумѣнія, потомъ скандалъ между двумя женщинами-самками, и наконецъ горничная выпроваживается вонъ при помощи полицейской силы. Лина горячо обнимаетъ новаго друга и говоритъ ему: «Раздѣвайся!» совсѣмъ по Горькому.

Одна изъ англійскихъ газетъ передаетъ, что Элеонора Дузе послѣ предстоящей поѣздки въ Америку намѣрена покинуть сцену. «Я очень утомлена театромъ»,—сказала она,—«Я устала отъ театра, а не отъ искусства. Мнѣ надоѣла жизнь на сценѣ, всѣ эти неизбежныя столкновѣнія съ артистами, декораторами, режиссерами и даже ламповщиками. Я должна освободиться отъ рабства сценической жизни. Да это и вообще не жизнь. Это—настоящій адъ. Да, о многихъ моихъ коллегахъ я вспоминаю съ досадой и отвращеніемъ. Большинство артистовъ и артистокъ, съ которыми я вѣтрѣчалась, ничтожные люди. Если я вырвусь изъ этого ада, то ничто не въ состояніи будетъ меня возвратитъ туда. Вотъ она, ваша королева рампъ, «первая артистка вѣка», какъ меня нѣкоторые называютъ. Ея царство—номеръ гостиницы. И хуже всего то, что я становлюсь стара; моя жизнь проходитъ, и я ничего не вижу и ничего не знаю». Извѣстіе объ уходѣ Дузе со сцены противорѣчитъ однако тому, что въ декабрѣ мѣсяцѣ она готовится выступитъ въ новой пьесѣ д'Аннунціо, съ которымъ, какъ извѣстно, она опять помирилась и даже въ будущемъ году предпринимаетъ съ нимъ совмѣстное турнэ по Европѣ.

Согласно выпущенному отчету берлинскаго драматическаго театра, три пьесы Гергарда Гауптмана: «Ткачи», «Потонувшій колоколь» и «Извозчикъ Геншель» дали валового сбора 1.200.000 марокъ. Первая пьеса дала—475.000 марокъ, вторая 450.000 и третья—275.000. Г. Гауптманъ получилъ авторскаго гонорара съ одного берлинскаго театра 180.000 марокъ. Если принять во вниманіе другія нѣмецкія сцены, а также и заграничныя, на которыхъ шли эти пьесы, то нетрудно себѣ представить, какихъ огромныхъ размѣровъ достигъ его гонораръ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КІЕВЪ. 15 сентября торжественно освященъ и открытъ новый городской театръ. Въ 2 часа дня въ фойе бель-этажа было отслужено молебствіе гласнымъ думы протоіереемъ А. А. Корсаковскимъ. Пѣлъ въ полномъ составѣ театральныи хоръ. На молебствіи присутствовалъ начальникъ края, губернаторъ, вице-губернаторъ, городской голова, предводитель дворянства, профессора университета, масса другихъ высокопоставленныхъ лицъ, всѣ гласные думы и множество публики. Послѣ молебствія публика перешла въ зрительный залъ. Възвился занавѣсъ. На сцену вышелъ строитель театра академикъ архитектуры В. Н. Николаевъ, который прочиталъ краткій очеркъ исторіи постройки и сооруженія городского театра. Рѣчь г. Николаева была покрыта аплодисментами. Затѣмъ оркестромъ, хоромъ, артисткой Н. К. Новоспаской, и артистами И. С. Петровымъ и А. Ф. Арцимовичемъ исполнена была торжественная кантата «Кіевъ», специально написанная къ этому дню композиторомъ В. Н. Гартевельдомъ на слова Мелъдѣкова. Кантата произвела наилучшее впечатлѣніе. Со всѣхъ сторонъ раздались аплодисменты. Гимнъ повторили два раза. Затѣмъ почетные гости перешли на сцену, гдѣ былъ сервированъ отъ имени Кіевскаго городского управленія завтракъ. Городской голова В. Н. Проценко произнесъ небольшую горячую рѣчь о задачахъ и цѣляхъ русской оперы. Послѣ завтрака почетные гости осматривали театръ. Зданіе новаго театра очень обширно: 28 аршинъ ширины и 46 с. длины. Строилось оно по плану инженера В. А. Шретера академикомъ ар-

хитектуры В. Н. Николаевымъ около 4 лѣтъ. Снаружи театръ не особенно красивъ и своимъ громоздкимъ, неуклюжимъ видомъ походить на черепашку. Зрительный залъ нельзя назвать особенно большимъ: длина 11¹/₂ саженъ, ширина 10 саженъ. Зрительная зала театра Соловцова гораздо больше. Отдѣлка потолка, ложъ не блещетъ ни красотой, ни изяществомъ. Все какъ-то бѣдно и убого. Выкрашена зала въ свѣтлые тона. Зрителей вмѣщаетъ театръ 1267 человекъ, тогда какъ сгорѣвшій вмѣщалъ всего лишь 900 человекъ. Сборъ по обыкновеннымъ цѣнамъ 2132 р., по бенефиснымъ 2580 р. Ложы малы, узки, неудобны, съ грѣхомъ пополамъ можетъ помѣститься четверо. Зато этихъ коробочекъ, именуемыхъ ложами, нѣмало болѣе чѣмъ достаточно: въ бенуарѣ, бель-этажѣ, и двухъ ярусахъ пятымъ ярусомъ является галерея. Сцена очень обширна: ширина 16 саженей, глубина (въ общемъ) 13¹/₂ сажени. Едва ли найдется въ Россіи такая громадная сцена. Декорации написаны всѣ заново, частью въ Москвѣ—художниками-декораторами Императорскихъ театровъ гг. Гельцеромъ, Сивилкинымъ, Лебедевымъ, Смирновымъ, Феокистовымъ и Сергѣевымъ; частью въ Берлинѣ г. Люкке-Мейеромъ, частью въ Одессѣ (худ. А. Н. Реджіо) и Кіевѣ (гг. Эвенбахомъ, Сарті, Мягковымъ и Блюменомъ). Для нѣкоторыхъ оперъ декорации написаны совершенно въ новомъ, не рутинномъ духѣ. Такъ напр. декорация 3 акта «Демона» изображаетъ не традиціонную залу во дворцѣ Гудала, а крышу дворца, ибо на востокѣ большинство торжественныхъ случаевъ (пиръ, свадьба и т. п.) происходить въ лѣтнее время на крышѣ; затѣмъ измѣняется шаблонная декорация 2 акта «Жизни за Царя»—поляки не будутъ плясать въ роскошныхъ чертогахъ, какъ это принято на всѣхъ сценахъ; опера «Фаустъ» пойдетъ съ «Вальпургіевой ночью» и пр. То, что принято называть фойе, не имѣется. Въ замѣнъ фойе коридоры расширены въ среднихъ своихъ частяхъ. Уборная довольно обширна: въ 1 и 2 этажахъ для пѣвцовъ-солистовъ, въ 3 и 4 для хористовъ. Здѣсь же находится залъ для хора и буфетъ. Для артистовъ устроены такъ называемая «артистическія фойе». Театральная бібліотека находится въ 3 этажѣ. Освѣщеніе всюду электрическое, отопленіе паровое. Акустика театра прекрасная.

Первоначально на постройку израсходовали 500,000 р. Затѣмъ изъ Государственнаго Казначейства выдано городу (какъ безвозвратная субсидія) 150 тысячъ р., изъ городской кассы ассигновано 250 тысячъ плюсъ страховая премія 100,000 р., полученная за сгорѣвшее зданіе театра. По первоначальной смѣтѣ на всю постройку требовалось только 500,000 рублей, а въ дѣйствительности театръ городу обошелся 860 тысячъ рублей; стало быть перерасходовали 360 тысячъ. Какія причины побудили господъ строителей дерзнуть на такой крупный «перерасходъ», намъ неизвѣстно, ибо отчета пока нѣтъ. Не лишне познакомиться съ краткой исторіей кіевскихъ театровъ вообще. Всѣхъ зданій городскихъ театровъ въ 19 столѣтіи было въ Кіевѣ три, такъ что теперешній, вновь выстроенный городской, является по счету четвертымъ.

Первый городской театръ находился на Парской площади, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ помѣщается Европейская гостиница. Здѣсь одно время играла русско-малорусская труппа помѣщика Ширая, затѣмъ подвизались польскія труппы Недзвѣдскаго, Режановскаго и Ленковскаго. Спектакли давались исключительно на польскомъ языкѣ и посѣщались исключительно польскою интеллигенціей, которой тогда въ Кіевѣ жило довольно много. Въ тридцатыхъ годахъ польское влияние значительно ослабло. Благодаря этому обстоятельству въ нашѣмъ городѣ появились русскіе актеры, которые снотились возлѣ артиста Шгейна, сформировавшаго тогда же довольно солидную драматическую труппу. Среди артистовъ этой труппы выдѣлялся знаменитый комикъ Щепкинъ. Русскіе спектакли имѣли большой успѣхъ. Въ 1835 году русская труппа стала получать ежегодную субсидію, въ размѣрѣ 7 тысячъ рублей. Театромъ управляла особая коммиссія изъ трехъ человекъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора. Однако первый городской театръ существовалъ не долго: въ 50 годахъ онъ пришелъ въ совершенную ветхость, ибо построенъ былъ изъ дерева.

Тогда городъ рѣшилъ воздвигнуть новое, каменное зданіе театра, проектъ котораго разработанъ былъ академикомъ архитектуры Штромомъ. Закладка зданія состоялась въ 1854 году и черезъ два года театръ былъ готовъ. Обошелся онъ городу въ 136 тысячъ рублей.

Спектакли въ новомъ театрѣ начались въ 1856 году. Сначала здѣсь театральнымъ дѣломъ заведывала особая коммиссія но послѣ перваго же печальнаго сезона, крупнымъ дефицитомъ театръ сланъ былъ антрепренеру Борковскому, который ставилъ драмы на польскомъ и русскомъ языкахъ. Самымъ блестящимъ періодомъ въ исторіи русской оперы нашего города можно назвать антрепризу покойнаго артиста Г. Я. Сѣтова съ 1874 г. по 1881 г., затѣмъ Савина съ 1881 по 1888 г., потомъ Пянишниковъ съ 1888 по 1892 гг. и наконецъ снова Сѣтова; 4 февраля 1896 года театръ сгорѣлъ, просуществовавъ 40 лѣтъ.

КАЗАНЬ. Зимній театральныи сезонъ 1901—1902 г. открылся въ Казани 8 сентября. Во главѣ всего опернаго дѣла адѣсь

стоит режиссер оперы Боголюбовъ, такъ какъ Н. И. Соболюшковъ-Самаринъ теперь находится въ Саратовѣ, гдѣ и управляетъ драматической труппой. Н. И. Соболюшковъ-Самаринъ даже не прѣхалъ въ Казань ко дню открытія своего опернаго дѣла, что было бы возможно, такъ какъ сезонъ въ Саратовѣ открылся 30-го августа.

8-го сентября, въ часть дня, въ фойѣ былъ отслуженъ молебенъ, на который, помимо наличнаго состава оперы, хористовъ, музыкантовъ и проч. служащихъ при театрѣ лицъ, были приглашены и посторонніе лица,—представители города, прессы и др., но почему-то, что, конечно, весьма грустно, лишь весьма немногіе изъ приглашенныхъ явились. На молебнѣ пѣлъ «запасной хоръ» оперы и пѣлъ положительно прекрасно. Хотя я и забѣгаю впередъ, но не могу удержаться, чтобы теперь же не отмѣтить превосходство нашихъ оркестра и хоровъ оперы. Такой оркестръ, какой сформированъ теперь—былъ только во время антрепризы А. А. Орлова-Соколовскаго, а такихъ хоровъ и никогда не было... По окончаніи молебна, хоромъ былъ исполненъ духовный концертъ, по окончаніи котораго режиссеръ оперы г. Боголюбовъ прочелъ привѣтственную телеграмму труппѣ отъ г. Соболюшкова-Самарина. Для перваго спектакля, 8-го сентября, была поставлена опера «Аида». Для втораго спектакля настоящаго сезона, шла 9-го сентября, опера «Жизнь за Царя», а для третьяго—«Демонъ». Затѣмъ объявлены на 11-ое сентября—«Русалка», а на 12-ое—«Фаустъ». Ближайшей же новинкой сезона будетъ опера «Чародѣйка».

Въ партіи Аиды выступила у насъ артистка О. Н. Асланова, въ Амнерисъ—О. П. Карпова (не входящая въ составъ труппы, а поющая «на равныхъ»), въ Радамесъ—Ф. А. Ошустовичъ, въ Амонасро—Я. М. Свѣтловъ. Всѣ эти исполнители имѣли успѣхъ, особенно г-жи Асланова и Карпова. Г. Ошустовичъ сильно волновался и пѣлъ неровно. Такъ онъ не важно исполнилъ первую свою арію «О, если-бъ я былъ избранъ вождемъ египтянъ», но зато имъ, вмѣстѣ съ Аслановой, былъ прекрасно, задумчиво-тепло исполненъ заключительный дуэтъ оперы «Прощай земля». Наши басы—Н. Л. Чemezovъ-Честнѣйшій (въ партіи Ирека) и Д. Т. Пушкаревъ (въ партіи фараона) были на своихъ мѣстахъ и показались намъ, что басовыя партіи у насъ представлены надлежащимъ образомъ.

Въ оперѣ «Жизнь за Царя», въ партіи Антонида, экспромтомъ выступила Б. Г. Эйгенъ—эту партію должна была, кажется, пѣть г-жа Андріевская, но почему-то ея дебютъ не состоялся. Не смотря на это, г-жа Эйгенъ сѣла партію Антонида хорошо и была шумно привѣтствуема публикой, помнящей талантливую артистку. Эта память и выразилась въ спектаклѣ 9-го сентября поднесеніемъ ей лавроваго вѣнка. Сусанина пѣлъ Н. И. Тарасовъ, встрѣченный при выходѣ на сцену громомъ аплодисментовъ и дождемъ разноцвѣтныхъ билетиковъ съ привѣтственными надписями: «Добро пожаловать!», «Сердечно рады!» и т. п. Такая встрѣча артиста вполне понятна, такъ какъ во время служенія своего на казанской сценѣ въ теченіи всего сезона 1898—1899 г. Тарасовъ былъ любимцемъ публики. На этотъ разъ исполненіе партіи Сусанина (въ спектаклѣ 9 сентября 1901 г.) г. Тарасовымъ не было безукоризненно, что, отчасти, объясняется его болѣзненнымъ состояніемъ. Низкій и средній регистръ звучали хорошо, но верхній не былъ свободенъ. Хорошимъ Сабининымъ оказался нашъ новый теноръ Н. А. Большаковъ—и по игрѣ, и по пѣнію. Въ партіи Вани выступила съ успѣхомъ А. В. Кравецъ.

Въ «Демонѣ» снова имѣла большой успѣхъ г-жа Эйгенъ (Тамара) и такой же успѣхъ выпалъ на долю Б. Б. Амирджана (Демонъ). Выходная арія сразу показала намъ голосъ и легкую ввучную, ясную колоратуру г-жи Эйгенъ. Сцену 3-го акта, надъ трупомъ жениха, г-жа Эйгенъ вела прекрасно. Г. Амирджанъ дѣлилъ успѣхъ г-жи Эйгенъ. Г. Хлюстинъ—видимо артистъ начинающій. Въ его игрѣ и пѣніи не замѣчалось страсти, огня, увлеченія,—слышались только чистыя, пожалуй, звенящія теноровыя ноты, но и только... Не знаю, не ошибаюсь-ли я, но мнѣ думается, что этотъ молодой артистъ можетъ «выиграться» и «выиграться». Г. Тарасовъ былъ хорошей чудакъ, а г. Чemezovъ—такой же старый слуга. Въ партіи Ангела имѣла успѣхъ М. А. Янса. Вотъ и все, что я могу пока сказать о нашихъ артистахъ. Окончательное заключеніе о нихъ, разумеется, впереди, послѣ того, какъ прослушаю ихъ въ нѣсколькихъ партіяхъ. Но вотъ что и теперь уже можно смѣло сказать, это то, что въ лицѣ В. И. Сука мы имѣемъ хорошаго дирижера оркестра, а въ лицѣ Н. Н. Боголюбова—хорошаго режиссера.

Декорации—положительно художественны, обстановка сцены—небывалая по роскоши и жизненной правдѣ. Разумѣется, есть и недочеты, но ихъ немного и они устранимы. Нельзя, напр., не упрекнуть военный оркестръ за то, что онъ не разстается съ нотами, даже во время шествія, напр., въ послѣднемъ актѣ «Жизнь за Царя», а это и некрасиво, и не естественно!.. Неужели трудно заучить наизусть эту небольшую партію оркестра?.. Вѣдь, «Жизнь за Царя» нашъ оркестръ игралъ много разъ... Обращаемъ на этотъ недочетъ вниманіе очень музыкальнаго и любящаго свое дѣло капельмейстера военнаго оркестра.

Н. О. Юнниковъ.

НИКОЛАЕВЪ. Попытка организовать у насъ лѣтній общедоступный театръ въ циркѣ Шеффера окончилась очень печально для антрепренера Я. Лейна и только увеличила мартирологъ «лѣтнихъ» краховъ. Серьезный репертуаръ (Гауптманъ, Зудерманъ и др.) оказался не по плечу маленькимъ силамъ труппы, хотя отдѣльные исполнители произвели благоприятное впечатлѣніе. Въ приличномъ исполненіи шли: «Власть тьмы» (г. Шорштейнъ—Никита, г. Мартыновъ—Акимъ), «Иудушка» (г. Мартыновъ) и «Два міра», М. Нарлау (г-жи Чаруская и Шорштейнъ). Рядъ «фарсовъ» для поправленія дѣла не усилилъ сборовъ и г. Лейнъ перекочевалъ въ сосѣдній городъ Вознесенскъ, гдѣ, какъ намъ передаютъ, публика оказалась менѣе требовательной.

Съ 1-го сентября въ зимнемъ театрѣ Шеффера подворилась малорусская труппа г. Ярошенко, въ которой нѣтъ выдающихся силъ, но достигнутъ извѣстный ансамбль. Оперетки идутъ при плохомъ оркестрѣ съ импровизированными дирижерами. Въ вокальныхъ силахъ чувствуется также недостатокъ. Успѣхъ имѣютъ: г-жа Каширина, комики—гг. Варвалюкъ и Гульбенко, особенно послѣдній, потому, вѣроятно, что прекрасно танцуетъ гопака. Сборъ недурный, пустуетъ только партеръ въ ожиданіи настоящаго «сезона»—драматической труппы П. Иванова, пробующей свои силы до 1 октября въ Екатеринославѣ.

См. кій.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Малорусская труппа Кропивницкаго, закончила свои спектакли, 12-го сентября и уѣхала въ Полтаву, гдѣ пробудетъ 1½ мѣсяца; изъ Полтавы труппа переедетъ на 1 мѣс. въ Одессу, въ городской театръ, отсюда—въ Николаевъ, гдѣ и закончитъ зимній сезонъ. Въ Екатеринославѣ за 2 мѣсяца (съ 15-го іюля), труппа поставила около 50 спектаклей; дѣла отличныя—по 1½ руб. на марку. Съ 15-го сентября въ лѣтній театръ, гдѣ играли малороссы, перейдетъ драматическая труппа Иванова. До сего времени дѣла этой труппы въ зимнемъ театрѣ шли плохо. Главные персонажи труппы (на маркахъ) не получили еще ни копѣйки; заработка хватаетъ только на служебный персоналъ труппы да на актеровъ, получающихъ до ста руб. жалованья. Объясняется отчасти, тѣмъ, что зимній сезонъ еще не наступилъ и публика не отвыкла отъ садовъ и лѣтнихъ театровъ; отчасти-же и репертуаръ не безъ вины—усердствовали постановкой новыхъ, неизвѣстныхъ еще пьесъ. А екатеринославцы, какъ и вообще большая публика,—идутъ либо на хорошее старое, либо на прогрессивную новинку. Впрочемъ, пресловутый «Измаилъ» далъ порядочный сборъ. «Три сестры» ставились трижды, но сборъ былъ только въ первый разъ. «Замѣстительницы» (дважды) сбора не дали. А вотъ на «Роландѣ» театръ былъ полонъ, ибо на афишѣ пестрѣла красная строка: «учащимся билеты продаваться не будутъ». Публика, однако, разочаровалась—въ пьесѣ оказалось мало сибирскаго элемента и внѣшней пикантности, и во второй разъ театръ совершенно пустовалъ. Драма Иванова пробудетъ до 1-го октября. Съ октября начнутся спектакли оперы Шейна. Итальянская опера Кастеллино, имѣвшая начать свои спектакли въ аудиторіи народныхъ чтеній съ 15-го сентября—не пріѣдетъ въ Екатеринославъ.

Народный театръ на Чечелевскѣ (близъ ваводовъ), принадлежащій попечительству о народной трезвости, закончилъ свои дѣйствія 2-го сентября. Тамъ работала драма г. Ароновича. Недурная труппа впервые показала обывателямъ рабочаго района «Гамлета», «Отелло», «Ревизора», «Коварство и Любовь», «Уреліа Акосту», «Бѣдность не порокъ», «Чародѣйку», «Безприданницу», «Разбойниковъ», «Орлеанскую дѣву», «Марію Стюартъ», «Родину», «Честь», «Потонувшій колоколъ» и др. Къ сожалѣнію, дѣла были неважны. Лучшіе персонажи труппы зарабатывали на кругъ не болѣе 60 руб. въ мѣсяцъ; остальные питались крохами; труппа изъ 16 чел. составляла товарищество. Причины такой неудачи: играли всего лишь 2 раза въ недѣлю (субботу и воскресенье).. т. к., въ остальные дни чечелевская рабочая публика не можетъ ходить въ театръ—надо подняться въ 5 час. утра. Попечительство о народной трезвости даетъ 500 р. субсидіи. Если субсидія не будетъ увеличена въ три или, по крайней мѣрѣ, вдвое—едва ли кто рискнетъ на будущій годъ взять чечелевскій театръ. И прежніе опыты говорятъ за то же. Труппы не выдерживали до конца и сбѣгали. А дѣло хорошее и для Екатеринослава, съ его многотысячнымъ рабочимъ населеніемъ, крайне необходимое.

Петръ Ю.

ИРКУТСКЪ. Сезонъ открылся 30 августа пьесой «Послѣдняя воля» Немировича-Данченко, затѣмъ послѣдовательно шли: «Въ старые годы», «Самородокъ», «Ревизоръ» (утромъ), «Идіотъ», «Злая яма» и «Ніобея», «Казнь», «Больные люди» Гауптмана и «Идеальная жена». Дебюты артистовъ сошли удачно. Труппа на нынѣшній сезонъ составлена довольно интересно, хотя нѣтъ именъ. Съ экспрессіей провела свои дебюты Н. А. Соколовская (драмат. героиня), и очень мило, безъ аффектаціи, играетъ А. А. Лодина (ingénue dramatique). Выдѣляется также г-жа Айвазовская, жанръ которой бытовые, комическія роли. Петрова-Марченко (бытовые роли)—опытная исполнительница, хотя, къ сожалѣнію, подчасъ шаржируетъ.

Среди мужчинъ сразу выдѣлились М. Н. Акимовъ (драм.

любовникъ и характ.), ампула котсаго, по новѣйшей квалифікаціи, «нервный» роли, Э. Г. Наумовскій (комикъ и характерный), обладающій несомнѣннымъ комическимъ дарованіемъ, И. И. Бѣлоконовъ (герой-резонеръ) и А. В. Степановъ (комикъ-резонеръ и салонный-резонеръ). Муравлеву-Свирскому (любовникъ-герой и фатъ) не достаетъ простоты и естественности. Простаки К. Д. Кручининъ, комикъ И. П. Поликарповъ и резонеръ Томара—артисты весьма полезные, а первый изъ нихъ пріятно поразилъ своимъ исполненіемъ роли Хлестакова (Ревизоръ). Серію любовниковъ дополняетъ Н. Л. Горсткентъ (2-й любовникъ) играющій мѣстами «съ огонькомъ».

Въ репертуаръ, между прочимъ, войдутъ, не шедшія здѣсь, пьесы: трилогія гр. А. К. Толстого «Донъ-Жуанъ», «Мих. Крамеръ» и «Одинокіе» Гауптмана, «Дѣло» и «Веселые расплюевскіе дни» Сухова-Кобылина, «Гедда Габлеръ», «Нора» и «Докторъ Штокманъ» Ибсена, «Ивановъ», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Чайка» Чехова, «Пережитое», «Потемки души», «Местъ женщины», «Флорія Тоска» Сарду, «Огни Ивановой ночи» и «Счастье въ уголкѣ» Зудермана, «Орленокъ», «Сирано де Бержеракъ» и «Романтики» Ростана, «Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» (по Гоголю).

П. Н. Колотилловъ.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ. 9-го сентября закончился лѣтній сезонъ, принесшій антрепренеру С. И. Крылову около 5000 р. прибыли. Валового сбора сдѣлано около 41 тысячи за весь сезонъ. Изъ отчета, лежащаго передъ нами, мы видимъ, что опереточные спектакли дали на кругъ 350 р., причемъ больше всего сбора дала все та же «Гейша», шедшая 4 раза. Первый сборъ—911 р., второй—354 р., третій (бенефисъ пользовавшейся большимъ успѣхомъ примадонны Вергиной-Мотылевой)—670 р. и четвертый—450 р., хороший сборъ дали «Мартынь Рудокотъ» (503 р. въ первый разъ и 569—въ день юбилея баритона Форесто, имѣющаго большой успѣхъ здѣсь). Очень понравились публикѣ поставленные въ концѣ сезона «Новые цыганскіе романсы», повторенные три раза—въ нихъ были хороши г-жи Руджіери и Солнцева. Удачнымъ по сбору былъ бенефисъ любимца здѣшней публики комика г. Туманскаго (700 р.), поставившаго «Славный тестюшка» и «Чайный цвѣтокъ». Хорошіе два сбора дали и «Цыганскій баронъ». Наибольше же удачными, къ сожалѣнію, только въ смыслъ сбора, были оперные спектакли. Шли «Карменъ» (406 р.), «Русалка» (494 р.), «Демонъ» (806 р.), «Русалка» (384 р.), «Травиата» (796 р.), «Галька» (415 р.). Оперы шли далеко не гладко въ виду отсутствія хорошаго опернаго баритона, сносныхъ исполнителей на вторыхъ роли, хорошаго хормейстера. Усилія опытнаго дирижера А. А. Тони и исполненіе главныхъ ролей Вергиной (особенно въ «Травиатѣ»), Руджіери, Гарделинымъ и Сангурскимъ были не достаточны, чтобы вполне удовлетворить публику. Изъ труппы многие поѣхали въ Новочеркасскъ, въ драму г. Крылова, куда переходить и г-жа Руджіери на водевильныя роли; г-жа Вергина-Мотылева кончила съ г. Новиковымъ на 700 р. въ мѣсяцъ и 4 бенефиса въ Кіевъ, Москву, Одессу, Ялту. Гг. Форесто и Туманскій пока здѣсь, такъ какъ симпатичный дирижеръ А. А.

Тони ведетъ переговоры съ дирекціей 2-го собранія, желая ставить на клубной сценѣ спектакли отъ 15 октября до 15 декабря. Если клубъ согласится, то онъ организуетъ труппу, въ которую кромѣ Форесто и Туманскаго войдутъ г-жи Марганцева (каскадная), Бауэръ (лирич.), Марусина (втор. роли), теноръ Писаревъ, простаки Поляновъ. 7 октября состоится концертъ Альмы Фостремъ.

Л. С.—нз.

БЕРДЯНСКЪ. 12 августа нашъ городской театръ, передъ спектаклемъ, представлялъ удивительное зрѣлище: вопреки обыкновенію, сборъ былъ полный, и масса публики тѣснилась и въ зрительномъ залѣ, и въ корридорахъ, и на улицѣ, у входа въ партеръ и ложи. Дѣло въ томъ, что гостящая здѣсь труппа «московскаго» товарищества русскихъ драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ И. А. Дсбровольцева, ставила знаменитыхъ «Контрабандистовъ». Въ 9 часовъ занавѣсъ поднялся, и на сценѣ, передъ зрителями, стали развѣртываться давно извѣстныя и давно оцѣненные русской публикой жанровыя картинки. Первые два дѣйствія прошли спокойно. Въ срединѣ третьяго акта, нѣсколько зрителей партера съ шиканьемъ удалились. Послѣдніе два акта прошли совершенно спокойно, безъ всякихъ инцидентовъ. Публика разошлась, въ общемъ, молча. Только съ галереи апплодировали и кричали «браво!» Какъ ни старался г. Добровольцевъ, ставя подрядъ «Рабынь веселья», «Идіота» и «Когда мы, мертвые, воскреснемъ», а въ театрѣ все было пусто. Но вотъ, явилась «геніальная» мысль поставить «Контрабандистовъ», и угадалъ: сборъ былъ полный.

А. Говоровъ.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.

Александринскій театръ. 24-го сентября. «Выгодное предпріятіе». 25-го сентября. Въ 1-й разъ: «Старый домъ», пьеса А. М. Федорова. 26-го сентября. «Огни Ивановой ночи», др. Г. Зудермана. 27-го сентября. «Джентльмэнъ», ком. кн. А. И. Сумбатова. 28-го сентября. «Много шуму изъ ничего», ком. В. Шекспира. 30-го сентября. «Замѣстительницы», «Завтракъ у предводителя».

Михайловскій театръ. 24-го сентября. «Таланты и поклонники». 25-го сентября. Rentrée de m-r Hittmans, «Durand et Durand». 26-го сентября. «Фофанъ». 27-го сентября. Rentrée de m-r Hittmans. «Durand et Durand». 28-го сентября. «Огни Ивановой ночи». 29-го сентября. Rentrée d: m-lle Suzanne Munter, «Zaza». 30-го сентября. «Zaza».

Маринскій театръ. 24-го сентября. «Самсонъ и Далила». 25-го сентября. «Свадьба Фигаро». 26-го сентября. «Привалъ кавалеріи». 27-го сентября. «Тангейзеръ». 28-го сентября. «Евгеній Онѣгинъ». 30-го сентября. «Баядерка».

Редакторъ Я. Р. Кугель

Издательница З. В. Тимовеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

Въ редакціи журнала ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО продаются слѣдующія пьесы:

Школьные товарищи, ком. въ 3 д. Фульда, ц. 2 р.
Вѣра Иртеньева, др. въ 3 д. Лухмановой, ц. 1 р. 50 к.
Возвращенная, др. въ 5 д. Владиміровой, ц. 2 р.
Изумительныя превращенія, въ 3 д. В. П. Билибина, ц. 1 р. 50 к.
Роковой дебютъ, шутка въ 1 д. П. Д. Л. ц. 60 к.
Волшебная сказка, пьеса въ 4 д. И. Потапенко, ц. 2 р.
Казнь, др. въ 5 д. Г. Г. Ге, ц. 1 р. 50 к.
Братья Карамазовы, др. сц. ц. 2 р.
На лонѣ природы, ком. въ 1 д. И. Потапенко, ц. 60 к.
Послѣдній гость, эт. въ 1 д. съ нѣм. Я. Дельера, ц. 60 к.
Потемки души, др. въ 5 д. В. О. Трахтенберга, ц. 2 р.

Страничка романа, сц. Л. Берникова, ц. 60 к.
Юность, др. въ 3 д. Макса Гальбе, пер. Нани, ц. 1 р. 50 к.
Урокъ танцевъ, сцена въ 1 д. И. А. Гриневской и Бракъ, въ 4 д. Ярцева, ц. 1 р.
Задача № 1371, шутка въ 1 д. В. Н. Карпинской, ц. 60 к.
Завзъ, пьеса въ 5 д. Пьера Бертона и Шарля Симона, перев. Э. Латернера, ц. 2 р.
Закатъ, очерки въ 4 д. кн. А. И. Сумбатова, ц. 2 р.
Злой духъ, ком.-шутка въ 3 д. В. В. Библина, ц. 1 р. 50 к.
Преступленіе и наказаніе, др. сц. въ 10 к. Я. А. Дельера.
На старой мельницѣ, др. въ 3 д. А. Вевера, пер. Я. С., ц. 1 р. 50 к.
Рабынь веселья, ц. 2 р.
Письмо, драмат. этюдъ въ 1 д. И. А. Гриневской, ц. 60 к.
Повѣхала кума — невѣдомо куда, монологъ-пантомима Я. Дельера, ц. 60 к.
Пьеса для развѣзда, шутка въ 1 д. И. А. Гриневской, ц. 60 к.

Урокъ декламации, шутка въ 1 д. Марианна Говалевскаго, ц. 60 к.
Буреломъ, пьеса въ 4 д. А. М. Федорова, ц. 2 р.
Баба, др. въ 5 д. кн. Голицына (Муравлина) и Старцева, ц. 1 р. 50 к.
Вовчикъ Геншель, др. въ 4 д. Гауптмана, пер. В. Протопопова и Н. Леонарда, ц. 1 р. 50 к.
Михаэль Крамеръ, др. въ 4 д. Г. Гауптмана. Переводъ Л. Жданова, ц. 1 р.
Благотѣтели челоѣчества, др. въ 3 соч. Ф. Филиппи. Перев. П. П. Немвродова, ц. 2 р.
Дымъ отчества, комедія въ 4 д. В. А. Кожевникова, ц. 2 р.
Мими, ком. въ 5 д. Е. Владиміровой, ц. 2 р.
Подъ колесомъ, др. въ 4 д. Л. Жданова, ц. 2 р.
Бракъ, ком. въ 4 д. П. Ярцева, ц. 1 р.
Джюконда, Г. Д' Аннунціо, пер. Анны Теркъ, ц. 1 р.
Накипь, ком. 4-хъ дѣйств. Боборыкина, ц. 1 р.

И другія.

При выпискѣ нѣсколькихъ пьесъ одновременно дѣлается скидка до 30%.

Настоящее средство, „Кремъ Амикосъ“ разбѣивается къ торговлѣ на общихъ основаніяхъ Спб. Стол. Врачеб. Управленіемъ какъ не содержащее въ составѣ своемъ вредныхъ для здоровья веществъ, безъ всякаго, однако, ручательства въ полезномъ его дѣйствіи. Спб. Сентября 21 дня 1901 г. Врачебный Инспекторъ *Сканичевскій*.

КРЕМЪ АМИКОСЪ (CRÈME AMYCOS).

Новый кремъ, составленный по указаніямъ специалистовъ, придаетъ и сохраняетъ свѣжій и здоровый цвѣтъ лица, уничтожаетъ веснушки, пятна, загаръ и красноту лица.

Кремъ Амикосъ необходимъ для сохраненія надолго красоты лица.

Цѣна банки 1 р. 25 к.; въ Европейскую Россію высылаются 2 банки за 3 р. 50 к. Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Оптовая торговля у изобрѣтателей.

Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія“ **И. ГОЛЛЕНДЕРЪ** С.-Петербургъ, Развѣзкая, № 13. № 3322. 30—26.

ТРИКОТАЖНО - ЧУ

ЛОЧНАЯ ФАБРИКА

Поставщицы Императорскихъ

С.-Петербургскихъ Театровъ.

№ 4402.

Л. ДОБРОВОЛЬСКОЙ.

С.-Петербургъ, уг. Можайской ул. и Мало-Царскосельскаго просп., д. № 40—4.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ТРИКО.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„ФИНЛЯНДСКАЯ ГАЗЕТА“

первый русскій органъ въ Финляндіи, издаваемый въ Гельсингфорсѣ при управленіи Генераль-Губернатора.

въ 1901 году будетъ выходить три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Предполагается, если окажется возможнымъ, также выпускъ номера и по воскресеньямъ (кроме дней послѣднихъ праздничныхъ). Въ промежуточные дни, въ случаѣ надобности, будутъ выпускаемы особыя прибавленія. Еже-недѣльно будетъ выходить не менѣе одного номера на финскомъ языкѣ, „Suomen Sanomat“.

Вступая въ жизнь, „Финляндская Газета“ поставила главною задачею „приведеніе въ среду финляндцевъ убѣжденій, въ силу которыхъ тѣсное единеніе Финляндіи съ прочими частями Россіи только тогда окажется прочнымъ и непоколебимымъ, когда будетъ создана общность интересовъ, когда сограждане поймутъ другъ друга и станутъ дѣлить горе и радости совмѣстной политической судьбы. Взаимныя выгоды Россіи и ея финляндской окраины требуютъ самыхъ добрыхъ и сердечныхъ между ними отношеній“. И въ будущемъ, второмъ году своего существованія „Финляндская Газета“ останется вѣрно этимъ задачамъ, будетъ всѣми средствами способствовать общему ознакомленію, возбуждать взаимное сочувствіе и довѣріе. Въ области государственной газета будетъ, по прежнему, за сплоченіе, въ вопросахъ національных—за сближеніе. Какъ и въ нынѣшнемъ году, „Финляндская Газета“ будетъ возстановлять факты, если они будутъ ложно истолкованы или невѣрно освѣщены. Редакція приложитъ всѣ силы къ возможному совершенствованію газеты во всѣхъ отношеніяхъ.

ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Гельсингфорсѣ—въ „Русской книжной торговлѣ“ (Зап. Генриховская ул., 10) и въ редакціи; въ С.-Петербургѣ—въ конторахъ редакцій „Правительственного Вѣстника“, „Русскаго Инвалида“, „Свѣта“, и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Изгородные благоволятъ обращаться въ редакцію „Финляндской Газеты“ въ Гельсингфорсѣ (адресъ почтовому учрежденію извѣстенъ). Объявленія принимаются на русскомъ, финскомъ и шведскомъ языкахъ. Плата за строчку петита или занимаемое ею мѣсто, на 4 й страницѣ 7½ коп. или 20 пенни. При многократномъ печатаніи уступка по соглашенію съ конторой газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ.

Въ Гельсингфорсѣ на годъ 9 марокъ, на полгода 5 марокъ, на три мѣсяца 3 марки, на одинъ мѣсяць 1 марка.—Съ пересылкой въ другіе города—на годъ 4 руб. или 11 м., на полгода 2 руб. 50 коп. или 6 м., на три мѣсяца 1 руб. 50 коп. или 4 м., на одинъ мѣсяць 50 коп. или 1 м. 50 п. За границу на годъ—6 р., на полгода—3 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. Въ розничной продажѣ 10 пен. Доли рубля и марки могутъ высылаться почтовыми марками. При годовой подпискѣ допускается разсрочка по соглашенію съ редакціей.

Подписчикамъ „Финляндской Газеты“ номера на финскомъ языкѣ рассылаются безъ особой доплаты. Отдѣльно ихъ можно выписывать на слѣдующихъ условіяхъ:

За годъ съ доставкой и пересылкой	4 мар.—пен. или 1 р. 50 к.	за границу	3 р
„ 6 мѣс. „	2 „ 50 „	„ 1 „	2 „
„ 3 „	1 „ 50 „	„ 75 „	1 „
Въ розничной продажѣ	5 пен.		
За перемѣну адреса	50 „ или 20 коп.		

3—1

Редакторъ *И. А. Баженовъ*.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

М. Г. ЮЭЛЬСОНЪ.

Принимаетъ ежедневно кромѣ воскресныхъ дней отъ 11 до 5 ч. дня.

Леченіе. Пломбированіе.

Удаленіе и вставленіе

искусственныхъ зубовъ.

Вознесенскій пр., д. 21, кв. 8.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

на

**ЦВѢТЫ, ВѢНКИ, БУКЕТЫ
и КОРЗИНЫ.**

— БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ. —

УСТАНОВКА КОМНАТЪ

и проч.

Металлическіе вѣнки отъ 35 коп.
съ фарфоровыми цвѣтами.

Собственной мастерской.

Ф. Звѣревъ.

Васил. Островъ, 1-я линія, д. № 50.

№ 4409

1—2

СУФЛЕРЪ

Михаилъ **БОГДАНОВСКІЙ** (актеръ съ 1871 г. русск. драмат. и оперет. театра) предлагаетъ свои услуги. Гонораръ: 60—80 руб. въ мѣсяцъ (желательна оперетка). Телеграммой или письменно: Тифлисъ. Суфлеру Михаилу Богдановскому до востребованія.

**Вниманію
Гг. антрепренеровъ.**

Вышли новыя пьесы соч. П. М. Розенгейма.

1) „Быль на Волгѣ“ или „Акимъ Скворецъ“. Драматическое представленіе въ 5 дѣйствійхъ. 2) „Трагедія на кухнѣ“. Комедія въ 1 дѣйствіи. 3) „Уголовное преступленіе“. Комедія въ 1 дѣйствіи. Разрѣшены къ представленію безусловно. Получить можно: въ Театральныхъ бібліотекахъ Волкова—Семенова въ С.-Петербургѣ и С. И. Разсохина въ Москвѣ. 3—3

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Преподаю уроки театральнаго искусства и выразительнаго чтенія. Пески, уг. 9 й ул. и Дегтярнаго пер., д. 22—35, кв. 37.

Д. Александровъ.

№ 4405